

Т

№9
Сентябрь 2015

УССКИЙ КЛУБ

ТБИЛИССКИЙ
ЦЕНТР
«МОЛЬЕР
ВОСТОКА»

С. 20

«КАВКАЗ
ПОЧЕМУ»

С. 39

ЛЮБОВЬ И ВЕРА
ВЕРИКО

С. 14

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Владимир ГОЛОВИН
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9⁽¹¹⁹⁾
Сентябрь 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТАЙНА «НАСТОЯЩЕГО РЕВИЗОРА»
РОКСАНА АХВЕРДЯН
- 13 СКАЗ О ЗЕМЛЕ ГРУЗИНСКОЙ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 14 ЛЮБОВЬ И ВЕРА ВЕРИКО
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 20 ТБИЛИССКИЙ ЦЕНТР «МОЛЬЕР ВОСТОКА»
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 26 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 33 ОКНО ДУШИ – ОБЪЕКТИВ КИНОКАМЕРЫ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 39 «КАВКАЗ ПОЧЕМУ»
КЕРИМ ВОЛКОВЫСКИЙ
- 46 «ЗУБР» АТОМНОГО ПРОЕКТА
ОМАР ШУДРА
- 48 БЕЛАЯ ГОЛУБКА
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
- 53 ОБРЕЧЕННАЯ БЫТЬ АКТРИСОЙ
- 54 ПРОГРАММА КОНГРЕССА РУССКИХ ТЕАТРОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

На обложке – Уплисцихе

от ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

ТА, КТО ВИДИТ

Так выдающийся грузинский режиссер Марджанишвили называл прекрасного грузинского художника, графика, сценографа и иллюстратора Тамару Григорьевну Абакелия. 110 лет ей исполнилось в первый день сентября нынешнего года. Одна из самых талантливых учениц Евгения Лансере и Якова Николадзе действительно умела «видеть». Это особенно ценно для театральных художников и книжных графиков. Тамара Григорьевна много лет отдала Кутаисскому театру, оформляя спектакли. Интересно она поработала и для кинематографа. Именно она сумела «увидеть» для исторического фильма сквозь пелену веков героя грузинского народа Георгия Саакадзе, изображений которого не осталось. А ее скульптурных работ, хоть и немного, но они всенародно известны – это памятник Леси Украинки в Сурами и многофигурный фриз на щусевском здании бывшего Института марксизма-ленинизма на проспекте Руставели. И, невзирая на ныне чуждое идеологическое содержание, художественная ценность этого образца советского монументализма настолько велика, что его взяло под охрану государство.

«СРЕДИ МИРОВ В МЕРЦАНИИ СВЕТИЛ»

В ноябре 1909 года весь Петербург возбужденно гудел: поэт Максимилиан Волошин в мастерской художника Головина дал пощечину поэту Гумилеву. Впервые за 70 лет была назначена дуэль. Они поссорились из-за таинственной знаменитости – Черубины де Габриаки, которая, как потом выяснилось, оказалась литературной мистификацией начинающей поэтессы Елизаветы Дмитриевой. Стреляться решили, как и Пушкин с Дантесом, на Черной речке. Гумилев приехал за рулем собственного автомобиля в шубе, фраке и цилиндре, а Волошин тащился к месту дуэли по глубокому снегу из застрявших саней. Дуэль превратилась в фарс: Макс потерял калошу и отказывался стреляться без нее. Дружно лазили по сугробам, пока не нашли. Гумилев в своем фраке отчаянно мерз. Его буквально трясло от холода и ярости. Неудивительно, что первый выстрел он «смазал», а может, попросту не стремился попасть. У Волошина случилась осечка – Гумилев потребовал стрелять вновь, потом вторая и даже чуть ли не третья. Волошина тоже трясло, он был испуган и сильно волновался. Оказалось, что Макс и стрелять-то не умеет. Гумилев, как вспоминал волошинский секундант, будущий автор «Петра I» и «Аэлиты» Алексей Толстой, видимо, вспомнив хулиганское детство среди тифлисской шпаны, негромко выругался по-грузински, отбросил пистолет и укатил на своем авто. Из драмы получился водевиль: над дуэлянтами потешался весь Петербург. Но одна жертва этой нелепой дуэли все же была. В момент публичного скандала с пощечиной с Иннокентием Анненским случился сердечный

приступ. Он был директором царскосельской гимназии, которую окончил Гумилев, и любил своего ученика. Вызвали врача, и Блок с Кузминым отвезли пожилого поэта домой. Но через несколько дней Иннокентий Федорович не выдержал постельного режима и поехал на работу в Царское Село. Он умер на ступеньках вокзала... Так окончилась жизнь блестящего поэта Серебряного века. Его считают предтечей акмеистов. Всю свою жизнь он посвятил преподавательской работе и поэтическим переводам. Поль Верлен, Леконт де Лилль и Шарль Бодлер пришли к русскому читателю благодаря его прекрасным и полным переводам. Анненский не признавал пересказов «по мотивам», чем частенько грешили коллеги. Когда же ему хотелось чего-то подобного, он писал оригинальные произведения на сюжеты античной мифологии. Его собственные стихи пользовались большой популярностью. А одно стихотворение «среди миров, в мерцании светил одной звезды я повторяю имя...» стало попросту народным. Существует несколько мелодий на эти стихи, а последний по времени романс написал замечательный бард Александр Суханов в 70-х годах минувшего века.

«УМНЫЙ-УМНЫЙ, ХИТРЫЙ-ХИТРЫЙ»

Так о Кутузове говорил великий русский полководец А.В. Суворов. Он при штурме Измаила называл его своей правой рукой. Михаил Илларионович, которому в этом сентябре исполнилось 270 лет, остается в истории победителем Наполеона в Отечественной войне 1812 года и Спасителем

Отечества, хоть и отдал Москву французам. Многие отважные и горячие головы порицали его за это и не одобряли кутузовской осторожной тактики. А некоторым не нравилась его дипломатичность и даже угодливость перед «сильными мира сего». А также неторопливость. Хотя именно эти качества всегда приводили Кутузова к успеху. Когда перед ним ставили общую задачу, то можно было не волноваться за ее выполнение – Михаил Илларионович всегда побеждал. Даже после разгрома при Аустерлице, он мастерским маневром увел остатки русских войск

и спас армию от окончательного разгрома. А при наполеоновском нашествии он избрал тактику выматывания противника, используя не только казачьи и гусарские рейды по тылам, партизанские засады, но даже природного союзника «генерала мороза» – французы попросту вымерзли. Народ и армия боготворили старого полководца, но многие генералы, включая знаменитого Петра Багратиона, считали его не таким талантливym, как Наполеон или Суворов. Но при этом все знали, что Кутузов способен применять настолько неожиданные ходы, что противнику крыть их было нечем. Например, в ходе дипломатической миссии в Константинополе, Кутузов, единственный из европейцев, посмел переступить порог... султанского гарема. А за это полагалась между прочим – смертная казнь. Кутузов очень любезно (и с пользой!) побеседовал с всемогущей матушкой османского монарха и убедил ее помочь в сложных переговорах. Вот уж воистину «умный-умный, хитрый-хитрый»!

СОКРАТ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Мераба Мамардашвили называли гением при жизни. И, невзирая на то, что родом его занятий была философия, никому и в голову не приходит в этом усомниться. И это в наши технократические времена, когда ученый-гуманитарий традиционно считался кем-то менее важным, чем, скажем, физик-ядерщик. Он обрел известность еще аспирантом кафедры философии МГУ в 50-х годах, как восходящая звезда советской методологии. А защитил докторскую диссертацию в Тбилиси только в 1970 году. И, будучи признанным во всем мире, вынужден был уехать в родную Грузию. Он получил приглашение директора Института философии АН Грузии академика Нико Чавчавадзе, и был зачислен научным сотрудником Института общей и педагогической психологии. Его охотно приглашали читать лекции и в университетах Советского Союза – Москвы, Ростова-на-Дону, Тбилиси, Риги, Вильнюса, и за рубежом – во Франции, Германии и США. Тем не менее, при жизни работы Мамардашвили практически не публиковались. Но энтузиасты записывали его лекции на магнитофонные пленки и видеокассеты. Так мысли блестящего грузинского философа были сохранены для потомства и ныне печатаются значительными тиражами. В шестьдесят лет Мераб Константинович скоропостижно скончался в аэропорту Внуково. В Тбилиси 26 мая 2001 года – в День независимости Грузии – на проспекте Руставели был открыт памятник Мамардашвили работы друга философа – знаменитого скульптора Эрнста Неизвестного.

НЕОРДИНАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Гениальный литовский художник и композитор Микалоюс Чюрленис родился 22 сентября 1875 года. Это особый мистический день для жителей литовского городка Друскеники, у которых во все времена в ходу были древние суеверия. Согласно этим верованиям, ему на роду было написано стать неординарным человеком. И действительно, сын сельского органиста рано проявил необычайные музыкальные способности, а местный князь Михаил Огиньский составил ему протекцию, оплачивая обучение в местной музыкальной школе, затем в Варшаве и Лейпциге. А после защиты диплома подарил Микалоюсу хорошее пианино. В ответ молодой композитор написал симфоническую поэму «В лесу»,

которая стала первым произведением литовской классической музыки. Но после смерти князя поддерживать его оказалось некому. Молодой человек вернулся в Варшаву, где стал заниматься живописью, способностями к которой был наделен. Так началось потрясающее, но, к сожалению, последнее десятилетие в недолгой жизни литовского гения. Он занимался музыкой и живописью в Варшаве, Вильне и Санкт-Петербурге. У столичной публики его музыка не вызвала большого интереса, но живопись была принята «на ура» – тогда была мода на работы в жанре «модерн» и «арт-нуво». Но признали Чюрлениса как-то поверхностно. Это его очень расстраивало и сердило, особенно, когда просили объяснить, что же он нарисовал. Он даже «увидел» Землю из космоса. Когда космонавты в 60-х годах увидели картины Чюрлениса, они были потрясены.

ТАЙНА «НАСТОЯЩЕГО РЕВИЗОРА»

■ Роксана АХВЕРДЯН

Окончание

О Егоре Павловиче Цицианове, родном брате отца и дяде Павла Дмитриевича Цицианова, с которым он совместно начал осуществлять переводы с французского, известно очень мало. Он также был сотрудником журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований», который печатался в 1791-1793 годах в Москве. В этом же журнале были напечатаны стихи Е.Д.Цицианова, а также его переводы с французского языка.

Фамилия Цициановых была хорошо известна и в великосветских кругах российского общества XIX века. Известна большая дружба Гоголя с А.О. Смирновой-Россет, мать которой наполовину была грузинкой, дочерью урожденной Екатерины Цициановой. В 1856 году в Петербурге был издан двухтомник П.А. Кулиша «Записки о жизни Н.В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем», куда вошли воспоминания и Смирновой-Россет, близко знавшей Гоголя.

Дядя А.О. Смирновой-Россет – Дмитрий Евсеевич Цицианов (1746-1835) был известной личностью в среде русских литераторов первой половины XIX века, блестящим оратором, автором устных рассказов, одним из остроумнейших людей своего времени, другом А.С.Пушкина. Семья Д.Е.Цицианова славилась в Петербурге своими четвергами. Несомненно, их посетителем являлся и Н.В.Гоголь. Действительный статский советник Д.Е. Цицианов был в то время директором комиссии для строений в Москве, членом экспедиции Кремлевского строения и мастерской Оружейной палаты.

Как мы уже отмечали, у Павла Цицианова – главноуправляющего Грузией, геройски погибшего от руки изменника в 1806

году, было пять братьев. У родного брата Павла Цицианова Ивана было три сына – Дмитрий (родился в 1800 году), Федор (родился в 1801 году) и Павел (младший, дата рождения его неизвестна).

Как указано в «Месяцеслове» за 1823 год, в этом году все три брата служили в армии. Старший Дмитрий в чине прапорщика состоял при оберквартирмейстере полковнике князе А.М. Голицине. Младший Павел был прапорщиком лейб-гвардии Московского полка. Федор был воспитанником Пажеского корпуса (выпуск 1820 года), поручиком Псковского пехотного полка, затем лейб-гвардии Семеновского полка. С декабря 1827 года – отставной капитан, впоследствии чиновник департамента внешней торговли, поэт-любитель.

Братья были широко известны в литературных кругах сво-

его времени. Литератором, писателем и поэтом был Федор Иванович Цицианов, сын Ивана Дмитриевича Цицианова, родной племянник Павла Дмитриевича Цицианова – главноуправляющего Грузией. Федор служил вместе с И.Е. Великопольским, известным поэтом, театралом, драматургом 20-50 годов XIX века, дружившим с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, В.Г. Белинским, С.Т. Аксаковым и другими писателями. В своем стихотворном послании к Федору Великопольский пишет, что любовь заставила Ф.И. Цицианова примкнуть к числу «вдыхателей-певцов». Федор писал стихи, установлено, что он был знаком с Пушкиным. В письме к И.Е. Великопольскому от начала марта 1826 года из Михайловского Пушкин писал: «Кланяюсь князю Цицианову, жалею, что не отнял у него свой портрет». Известно и другое письмо Пушкина к Великопольскому от 3 июня 1826 года из с. Преображенского с припиской Цицианову.

О связях братьев Цициановых с русскими литераторами свидетельствует письмо Н.М.Языкова. Вот что писал поэт А.Н. Вульф о Цицианове из Дерпта 18 января 1822 году: «Вчера отправились отсюда в Питер князья Цициановы, твои знакомцы; они могут сказать тебе много нового о нашем Дерпте... Мое знакомство с ними есть одно из приятнейших душе моей. Старший романист пером и романтик мнениями, покинул брэнной славы пустой и гибельный призрак и, кажется, хочет водвориться на одном из пустопорожних мест нашего Парнаса. Дай Бог ему славу трисолнечную!» («Русский архив», 1867, т.2, с. 737-738).

Федор скончался в 1832 году. Генеалогические списки русского дворянства свидетельствуют, что в 1855 году Павел, женатый на Е.Ф. Водак, был крупным тульским помещиком и жил в своем имении. Таким образом, автором «Настоящего ревизора» мог быть только старший из братьев – Дмитрий Иванович Цицианов – действительный статский советник, проживавший в Петербурге.

К моменту выпуска «Настоящего ревизора», то есть к 1836 году, Дмитрий Иванович Цицианов был уже гвардии полковником и в чине статского советника служил крупным чиновником Военной Академии министерства внутренних дел. Занимая важный пост и имея литературные способности, он создал по поручению начальства министерства «Особый словарь для оптического телеграфа», а также «Словарь для внутренних сношений телеграфических дирекций», предназначенные для высших правительственных кругов и царствующих особ. Эти словари были изданы позже, в 1842 году. Но из его деятельности и должности в министерстве внутренних дел ясно, что он был личностью, особо приближенной к царствующему дому и III отделению.

Нами совершенно точно было подтверждено и неопровержимо доказано, что именно этот Дмитрий Иванович Цицианов и был автором «На-

стоящего ревизора». Наши усердные поиски в архивах увенчались успехом. Подтверждением этого служат архивные документы, обнаруженные нами в Центральном историческом архиве г. Санкт-Петербурга, расположенном рядом с памятником Петру I. Согласно этим документам, князь Дмитрий Иванович Цицианов 14 мая 1836 года секретно представил в Петербургский Цензурный комитет письмо следующего содержания: «Имею честь представить рукописную комедию под заглавием «Настоящий ревизор», покорнейше прося оную, по утверждению, возвратить в запечатанном конверте на мое имя: в Главную улицу, в дом Военной Академии». (ЦГИАЛ СССР. Ф.777. оп.1, д.1320, л.18-20). Это было ровно через месяц после премьеры «Ревизора» Гоголя на сцене Петербургского Александринского театра.

В литературе своеобразное «сотрудничество», когда другой автор дописывает продолжение или окончание популярного произведения, распространено довольно широко. Ряд примеров такого рода известен и в отношении классического наследия. Достаточно напомнить, что литературному продлению подверглись «Мертвые души» Гоголя. Вскоре после смерти Гоголя была издана книга А.Ващенко-Захарченко «Мертвые души. Окончание поэмы Гоголя. Похождения Чичикова» (Киев, 1857). Еще пример – комедия-памфлет графини Е.П.Растопчиной «Возврат Чацкого в Москву», которая была напечатана как продолжение комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» (СПб, 1865). Написана она была в 1856 году.

И вот теперь комедия Гоголя «Ревизор». Что же вызвало эту пьесу к жизни?

Известно, что при своем появлении на сцене и

Александр Сергеевич Пушкин

Николай Васильевич Гоголь

в печати «Ревизор» Гоголя не претерпел суровых цензурных притеснений; комедия не встретила первоначального осуждения правительственных кругов, в том числе и Николая I, читавшего ее в рукописи и не понявшего сатирической сущности пьесы. Но не только Николай I, но и цензор Ольдекон в своем отзыве на комедию, посланном в III отделение, представлял ее как водевиль, а содержание «Ревизора» сводил к описанию приключений Хлестакова. После обстоятельного пересказа фабулы цензор делал вывод о том, что «пьеса не заключает в себе ничего предосудительного». Цензор не понял глубоко сатирического смысла «Ревизора», решив, что в пьесе рассматривается анекдотическое происшествие в одном из уездных городов (рассказанное Гоголю А.С. Пушкиным), что речь идет здесь об отдельных

злоупотреблениях чиновников, которых неизбежно настигает рука правосудия, в этом смысле и была понята фигура жандарма, извещающего о прибытии настоящего ревизора.

Но в действительности жандарм «Ревизора» никого не убедил. На первом представлении комедия Гоголя произвела сильнейшее впечатление на общество как глубоко сатирическое произведение. Реакция зрителей заставила правящие круги николаевской монархии прийти к выводу, что ими допущен серьезный «промах». В «Хронике» А.И. Вольфа, мемуарах цензора А.В. Никитенко, А.И. Храповицкого приводятся сообщения о том, как реагировал Николай I на первое представление «Ревизора» Гоголя – он сделал вид, что очень доволен, хохотал от всей души и в конце сказал: «Тут всем досталось, а более всего мне».

Но как указывает историк театра С.С. Данилов, и это, по нашему мнению, вполне логично, царь был неискренен. Лукавый и двоедушный, он делал, как говорится, «хорошую мину при плохой игре». Громким демонстративным смехом он пытался превратить весь спектакль в добродушную шутку. Но когда понял, что это не удалось, – принял другие, более хитрые меры.

Такого рода заключение подкрепляется привычной практикой III отделения, широко привлекавшего литераторов к жандармской службе в делах воздействия на общественное мнение. Известно, что III отделение часто само заказывало патриотические статьи и книги. В этом смысле III отделение действовало довольно тонко. В данном случае нельзя не отметить характерного факта спорадического появления Дмитрия Ивановича Цицианова в литературе только для того, чтобы послужить власти и царю и написать продолжение комедии Гоголя, вопреки тем прогрессивным идеям, которые проповедовала большая часть предшественников его рода Цициановых.

Как же действовало правительство? Вначале постановка «Ревизора» Гоголя была ограничена, Понимая, однако, что это привлечет еще больше внимания к комедии, царь через III отделение предпринял следующее: своему приближенному, крупному военному чиновнику, близкому к литературным кругам – Дмитрию Ивановичу Цицианову заказал пьесу «Настоящий ревизор» с целью снять, затушевать сатирической звучание гоголевской комедии. И хотя не имеется документов, прямо подтверждающих факт заказа Николаем I этой пьесы, вся история ее постановки позволяет предполагать самое ближайшее содействие этому делу со стороны царя.

Так, сразу же после письма Дмитрия Ивановича Цициано-

ва, 23 мая 1836 года директор казенных театров А.М. Геденов препроводил 2 июня министру императорского двора П.М. Волконскому секретную записку с новой комедией для передачи Николаю I, также секретно. Волконский отвечал Геденову, что император «повелеть соизволил послать оную в цензуру». 4 июня пьеса была переслана в III отделение, а уже 6 июня, то есть через день, пьеса вернулась оттуда, «одобренная к представлению». 14 июля «Настоящий ревизор» был дан в первый раз на сцене Александринского театра. Для напечатания рукопись была переслана цензору А.В. Никитенко и рассмотрена на заседании Комитета 16 июня. 23 июня полковнику Дмитрию Ивановичу Цицианову был дан из Цензурного комитета ответ, что «его рукопись одобрена к печатанию» (ЦГИАЛ СССР, ф.777, оп.1, д.1320, л.20) и вскоре она была издана в петербургской типографии Христиана Гинце.

Таким образом, обнаруженная нами секретная переписка по поводу пьесы «Настоящий ревизор» еще до отправления ее в цензуру, крайняя поспешность, с которой пьеса была сочинена, проведена через цензуру и поставлена на сцене, позволяют сделать вывод о причастности к этому делу лично Николая I, о том, что он был крайне заинтересован в быстрой ее постановке. И это было вызвано в основном тем, что гоголевская сатира в действительности далеко оставляла за собой те рамки дворянской самокритики, на которые рассчитывал Николай I.

«Настоящий ревизор» явился реакционной попыткой активно противодействовать сатирическому звучанию комедии Гоголя теми же специфическими средствами художественного воздействия. Все критики отмечают, что как произведение художественное «Настоящий ревизор» не поднимается выше рядовых репертуарных пьес и

с художественной точки зрения не заслуживает внимания. Пьеса является подделкой, подражанием комедии Гоголя. Но автору нельзя отказать в основательном знании гоголевской пьесы. Создается впечатление, что автор специально поставил перед собой задачу – снять с Гоголя обвинение в том, что он сатирически изобразил современную ему действительность.

Комедия Дмитрия Ивановича Цицианова, так же, как и гоголевская комедия, начинается с описания характеров и костюмов. В пьесе, кроме имеющихся у Гоголя введены новые действующие лица – крепостная девка Авдотья Вотрушкина, а главное – Алексей Петрович Проводов – «настоящий ревизор», скрывающийся под именем пристава Рулева. Хотя все содержание пьесы – критика уездного города, но эта критика носит лишь юмористический характер, как того хотелось царю. В пьесе совершенно снят сатирический гоголевский дух.

В пьесе включена и любовная интрига. Рулев (Проводов) влюбляется в Марию Антоновну и после различных переодеваний в духе дешевых водевилей, словесного поединка с

«женихом» Марьи Антоновны – Хлестаковым, приехавшим жениться, так как он «порядочный человек» и готов сдержать свое слово, хотя больше увлечен маменькой – Анной Андреевной, – делает в конце концов предложение. Пьеса кончается тем, что на балу, данном по случаю помолвки мнимого Рулева с Марьей Антоновной, «настоящий ревизор» открывает свое подлинное имя и звание и всех «выводит на чистую воду» – разоблачает чиновников, Хлестакова, неверную жену Городничего и т.д. Пьеса заканчивается торжеством правосудия. Порок наказан, и роль правительства в этом деле уточнена до конца.

В финальном монологе Проводов говорит: «Так, господа, я тот самый, которому поручено от высшего начальства восстановить в здешнем городе порядок, ниспровергнутый гнусным злоупотреблением власти. Благодаря счастливому случаю мне удалось сделать то, что не удавалось сделать еще никому, узнать все, не трогаясь с места, не посетив ни одного присутственного места; я исследовал все ваши козни, слышал своими ушами собственное ваше признание и имел все средства взвесить гнусность

Собственноручный рисунок Н.Гоголя к последней сцене «Ревизора»

РЕВИЗОРЪ.

Михаил Семенов
Дорогой
Отв. А. М. Семенов

вашего поведения. Вы заслужили примерное наказание».

Но Проводов «милостив» и смягчает наказание всем, кроме Земляники, которого отдает под суд за то, что тот, стремясь скрыть плохой уход за больными в богоугодных заведениях, свез всех больных в черную избу, где они без всякого присмотра умерли. Остальным чиновникам «настоящий ревизор» предлагает подать в отставку, а Хлестакова отправляет служить прапорщиком в один из дальних гарнизонов, где строгая дисциплина сможет сделать из него человека. Городничего как будущего тестя «ревизор» не может не пощадить. Он посылает его вместе с «легкомысленной кокеткой женой» в свое имение в Бессарабию, где городничему не с кого будет брать взятки, а жене его не с кем будет кокетничать. Городничий будет управлять в Бессарабии именем зятя под постоянным его контролем.

Таким образом, сами наказания, определенные «настоящим ревизором», настолько незначительны, что, по существу, являются полной реабилитацией чиновничьего произвола

и бесчинства. К тому же неминуемо напрашивается вопрос о конечной морали пьесы, если серьезное наказание угрожает только доносчику на своих коллег – Землянике. Но видимость наказаний тем не менее налично. Именно для их оглашения, для этого финального монолога о «всевидающем око правительства» и была состряпана эта пьеса. Комедия кончается словами автора: «В заключение желаю, чтобы сыгранная мною теперь комедия служила продолжением той, которая уже сочинена на счет г. Хлестакова и которая так забавно ознакомила петербургскую публику с провинциальными взяточниками и столичным вертопрахом».

Первое представление пьесы «Настоящий ревизор» провалилось. И все же вслед за премьерой пьесу стали давать в один вечер с комедией Гоголя в той же декорации (для первого действия) и с теми же исполнителями одноименных ролей. Пьеса в Петербурге шла в Александринском театре весь июль 1836 года, а в Москве – в Малом театре – август и сентябрь того же года.

Реакционная роль пьесы Дмитрия Ивановича Цицианова заключалась не только в том, что он пытался выправить политическую линию гоголевского «Ревизора», она была глубоко консервативна и по своей драматургической сущности, пытаясь завершить комедию Гоголя в трафаретных формах дидактико-нравоучительных комедий и низвести гоголевские персонажи до штампованных амплуа. В этом отношении особенно любопытны метаморфозы, происшедшие с образами Марьи Антоновны, данной Цициановым в облике стыдливой и робкой инженерю, и Хлестакова, лишившегося всякой психологической обрисовки, получившего взамен только несколько нелепейших положений и превратившегося в «водевильного шалуна». Переосмыслен и образ Осипа, который представлен трафа-

ретным слугой-плутом, себе на уме, владеющим грамотой, который всех обманывает и развлекается своим обманом.

Таким образом, несомненно, что Д.И. Цицианов делал откровенную ставку на карикатуру. Действительно, прямые указания на это имеются в предисловии к самой пьесе: «Гости... костюмированы различно в карикатурном виде». Театром, который всеми силами стремился нейтрализовать впечатление, произведенное на публику «Ревизором» Гоголя, эта карикатура, введенная Д.И. Цициановым, была расширена и углублена. Ученым С.Даниловым была найдена в архивах монтировка спектакля «Настоящего ревизора», в которой содержится ряд пометок о костюмах исполнителей: «всех одеть по провинциальному в карикатурном виде» (С.Данилов. Гоголь и театр. Л., Голитиздат. 1936, с.155) и т.д. И совместными усилиями Д.И. Цицианова и театра спектакль был осуществлен в карикатурных тонах, карикатура здесь была возведена в сознательный художественный прием, единственной целью которого было: поменьше давать реальной жизни, подальше от прямых сопоставлений с повседневной действительностью.

Следовательно, стремление превратить спектакль в карикатуру не было результатом простой случайности, оно явилось одним из средств театра преодолеть социальную сатиру Гоголя. Современники вспоминают, что участники спектакля «Ревизор» в Петербургском Александринском театре разыграли его как забавный водевиль, фарс, именно так, как воспринял его, впервые увидев, царь Николай I. Например, роль Хлестакова в первом представлении исполнял Н.О. Дюр – знаменитый комик, игравший преимущественно в водевилях, после смерти которого критик П.Арапов писал: «С ним и с В.П. Асенковой умер русский водевиль, которого

они были лучшими и незаменимыми представителями» (Арапов П.И. Летопись русского театра, с.251). Сугубо водевильный стиль игры перенес Дюр и в исполнение Хлестакова. По словам Гоголя, Дюр предстал «чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров».

В 1847 году Н.В.Гоголь выпустил книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой семь писем обращены к вышеуказанному нами А.П.Толстому, который являлся, как и его жена А.Г. Грузинская, потомком эмигрировавшего в Россию в 1724 году грузинского царя Вахтанга VI. Толстые познакомились с Гоголем в Париже в 1842-1844 годах. О супругах Толстых и их предках – Георгии и Бакаре Вахтанговичах, о дружбе А.П. Толстого с Гоголем, рассказывает в своей книге Н.Г. Тарсаидзе (Исторические этюды. Тбилиси, изд-во ТГУ, 1972, с. 88-94). На этом вопросе подробно останавливается также Б.Андроникашвили («Потомки Вахтанга VI в России» – «Литературная Грузия», 1983, № 3, с. 191-213). Гоголь очень ценил А.П. Толстого, человека высокообразованного, владевшего в совершенстве несколькими языками, в том числе и древнегреческим. Он в разное время был губернатором Тверским и Одесским, обер-прокурором Синода, членом государственного совета, генералом. По своим взглядам А.П. Толстой был передовым и независимым человеком. Гоголь считал, что он «феномен государственного человека – суров, строг, честен, не терпит лести, истинно верующий». А.П. Толстой, так же, как и его жена, были глубоко верующими людьми. А.П. Толстой занимался также очень широкой благотворительной деятельностью. И.С. Киреевский говорил о нем: «Легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович».

Графу Толстому не была чужда сфера литературы и искусства: он, например, ценил и понимал поэзию. Среди его знакомых было немало писателей, ученых и государственных деятелей – Николай Карамзин, Александр Пушкин, Василий Жуковский, Алексей Хомяков, Владимир Даль, Вильгельм Гумбольдт, граф Каподистрия.

Жена графа Анна Георгиевна, урожденная княжна Грузинская, отличалась редкой красотой и была женщиной глубоко религиозной. Ф.Ф. Вигель рассказывает в своих «Записках», что она «убегала общества и, вопреки обычаям других красавиц, столь же тщательно скрывала красоту свою, как те любят ее показывать». Графиня Толстая была прекрасно образована, хорошо знала светскую литературу, но предпочитала духовное чтение. По отношению к себе графиня была всегда строга и избегала всяких излишеств.

У Толстых была домовая церковь, в которой среди многих редких икон находился образ Всех святых Грузинской Церкви, где лики писаны были с изображений, взятых из древних грузинских рукописных

книг. В гостиной стоял рояль и были развернуты ноты, музыка все духовного содержания. Графиня была большая музыкантша. Лысково – имение грузинского князя, отца Анны Георгиевны, издавна славилось благолепием своих храмов и находившимися в них святынями. Около пятидесяти лет здесь сохранялся Крест святой равнопрестольной Нины, просветительницы Грузии, который она получила от Матери Божьей с повелением идти проповедовать христианство в Иверию.

Графиня Толстая, как и ее муж, отличалась необыкновенной добротой. Ее благотворительность была известна в Москве, где она, овдовев, провела последние годы своей жизни. Современники вспоминают, что в доме графини жили на хлебах крестьянские девицы, бывшие крепостные. В Нижегородской губернии на ее средства были устроены приют и училище для сирот. Знаменитой Дивеевской обители она пожертвовала тридцать две десятины земли на огород. Крупные суммы денег графиня передала в Донской

200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя
1809 - 1852

Комплект марок к юбилею Н.В. Гоголя

монастырь и в Зосимовскую пустынь. В Москве при церкви св. великомученика Георгия в Грузинах ею был основан и содержался приют для престарелых лиц духовного звания – так называемый Георгиевский дом (открыт в 1864 году). Свой большой дом на Садово-Кудринской (с церковью, флигелями и садом), стоимостью свыше ста тысяч рублей, она отказала в пользу московского духовенства. Здесь, согласно ее воле, был устроен приют для священников, названный «Александровским» (в память графа Александра Петровича). В приютской церкви Покрова Божьей Матери в Кудрине она оставила все свои драгоценные иконы, всю утварь и ризницу, за исключением лишь ковчега с мощами грузинских святых, который должен был быть передан согласно завещанию в один из грузинских женских монастырей. Погребена графиня Анна Георгиевна была рядом с супругом в Донском монастыре.

Именно в доме у А.П. Толстого Гоголь провел последние годы своей жизни, окруженный

большим вниманием, заботой и добротой хозяев. Именно здесь он и скончался в 1852 году. Из писем, обращенных к А.П. Толстому в «Выбранных местах из переписки с друзьями», особый интерес для нас представляет XIV письмо: «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности». В нем Гоголь пишет, что нападки А.П. Толстого на театр односторонни и несправедливы, «надо понять: точно ли встают против театра или только против того вида, в котором он теперь является. Но надобно смотреть на вещь в ее основе и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по **карикатуре** (выделено нами. – **Р.А.**), которую на нее сделали» (Н.В. Гоголь. Собр.соч. в 6-ти томах, т. VI, с. 283). По нашему мнению, не случайно Гоголь употребил здесь слово «карикатура», он явно имел в виду «Настоящего ревизора».

О том, что многие зрители по вине театра воспринимали спектакль как карикатуру, говорится в «Театральном разезде», первые наброски которого были сделаны Гоголем в 1836

году именно под впечатлением первого представления «Ревизора». Пьеса впервые была напечатана лишь в 1842 году. «Больше всего надо опасаться, чтобы не впасть в карикатуру», – настойчиво предостерегал Гоголь актеров в неопубликованном при его жизни «Преуведомлении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора».

Гоголь в приводимом выше письме А.П. Толстому пишет об огромном значении театра для общества: «Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти-шести тысяч человек, и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра». И далее: «Итак не театр виноват. Прежде очистите театр от хлама, его загрязнившего, и потом уже разбирайте и судите, что такое театр» (т. VI, с. 290).

Именно понимание этого огромного общественного значения театра и стремление как можно резче противопоставить свою пьесу карикатуре на нее – «Настоящему ревизору», написанному по заказу царя и его приспешников Д.И.Цициановым, – явились одним из факторов, заставившим Н.В. Гоголя работать над художественной отделкой «Ревизора» с целью дальнейшего углубления сатирического звучания комедии и очищения ее от каких-либо намеков на водевильность. Гоголь продолжал работать над комедией в течение почти шести лет, и лишь последняя, шестая редакция комедии (1842 года) оказалась окончательной. Так была завершена работа гения русской литературы над своей великой комедией.

Грузины

СКАЗ О ЗЕМЛЕ ГРУЗИНСКОЙ

■ Владимир ГОЛОВИН

Какие только энциклопедии не выпускаются в последнее время, и как немного из этих изданий соответствует столь обязывающему названию! Но вот книга, в заглавии, в текстах которой солидного, более чем 800-страничного, тома слова «энциклопедия» вы не увидите. Книга, которую с полным основанием можно назвать уникальной, называется просто – «Грузины» и содержит обширные, детальные сведения об одном из древнейших автохтонных народов Кавказа. Позволю себе напомнить, что «автохтонность» означает на греческом языке «коренной, местный, по происхождению принадлежащий данной территории»... Единственное отличие этого тома от энциклопедического издания в принятом понимании – расположение статей не в алфавитно-словарном порядке, а по этапам развития исторических и общественно-экономических отношений. Тем не менее, это – самая настоящая энциклопедия, богатая подробными, интереснейшими данными, иллюстрированная редкими фотографиями и подробными картами.

Знаменательно, что историко-этнографическое исследование, рассказывающее обо всех аспектах жизни грузин – результат многолетнего совместного труда грузинских и русских ученых. Она увидела

свет в московском издательстве «Наука», став очередным томом фундаментальной серии «Народы и культуры», выпускаемой Российской академией наук (РАН) с 1997 года. Над монографией работали Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Национальная академия наук (НАН) Грузии и ее Комиссии по истории, археологии и этнологии. Ответственные редакторы книги – Л.Берикашвили, Л.Меликишвили и Л.Соловьева. Это – первое обширное исследование такого рода – итог многолетней планомерной работы грузинских этнографов во всех регионах своей страны. В разделы монографии в основном вошли труды сотрудников Института по истории, археологии и этнографии НАН Грузии, Национального музея Грузии, Батумского научно-исследовательского института и других научных учреждений южно-кавказской республики. Вот далеко не полный перечень основных тем. География, этническая и социально-политическая история, демография, материальная культура, формы хозяйства, ремесла, традиции и обряды, семейный и общественный быт, религия, фольклор, искусство, народная медицина... Большое внимание уделено столь актуальному вопросу, как грузинские диаспоры в Азербайджане, Иране, России, Турции, странах Европы и Америки. Кстати, именно представителям диаспоры авторский коллектив монографии выражает персональные благодарности: Союзу грузин в России и его президенту М.Хубутия – за финансовую помощь и содействие при подготовке рукописи к публикации, президенту Российской академии художеств З.Церетели – за предоставление работ, которые были созданы им в этнографических экспедициях Г.Читая.

Ну, а за уникальные фотографии все мы должны быть благодарны предоставившим их научным и культурным центрам, список которых более чем солиден. Помимо музеев, входящих в систему Национального музея Грузии, это – Национальные центры рукописей, защиты памятников и истории грузинского искусства, Международный центр христианских исследований при Патриархии Грузии, Фонд защиты этнографического наследия, Агентство защиты культурного наследия Аджарии, Государственный академический драматический театр имени К.Марджанишвили, Национальный балет Грузии, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) имени Петра Великого РАН и Российский этнографический музей. Есть материалы и из личных фотоархивов Г.Барисашвили, Е.Казахишвили, С.Сарджвеладзе, Г.Цоцанидзе, К.Пицхелаури, Б.Кудава, М.Дидебулидзе.

Особенно хочется отметить одну немаловажную деталь. Среди обширных тем, вошедших в издание, есть конечно же, и исторические процессы. И отрадно, что различные периоды крайне нелегкой истории Грузии, подаются без эмоций и педалирования тех или иных болезненных моментов, четко и объективно, можно сказать, с высоты времени.

Эта книга, несомненно, необходима не только историкам, этнографам и культурологам, ее с огромным интересом примет самый широкий круг читателей – все, кто любит Грузию, интересуется ее судьбой.

Верико Анджапаридзе

ЛЮБОВЬ И ВЕРА ВЕРИКО

■ Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

Каждый вечер эта почти 90-летняя актриса, известная и все еще красивая, уединялась в своей комнате на втором этаже дома на тбилисской Горе раздумий – Пикрис гора. И что-то писала. Этот дом когда-то построил ее муж. Его давно нет на белом свете. Как-то раз своего интереса не смог унять зять Котэ и спросил: «Что вы пишете? Наверное, о своей жизни?» – «Да нет. Просто о том, о сем». Прошло время, и однажды она сама протянула ему пачку исписанных листов. Каждая запись начиналась одинаково: «Дорогой Миша!» И шел рассказ о том, как прошел очередной день, о семье, работе, невзгодах, радостях. Эта женщина писала письма своему любимому умершему мужу, Михаилу Чиаурели. И звали ее Верико Анджапаридзе.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЛЮБОВЬ

Верико родилась в городе Кутаиси, в семье известных юристов Анджапаридзе. Дата ее рождения доподлинно не известна. По одной версии – 23 сентября 1900 года, по другой – 6 октября 1897 года. Зато известно, что в один прекрасный день 1900 года великий поэт Акакий Церетели поднял на руки малышку и объявил: «Верико – добрая волшебница XX века! Вот увидите – в новом столетии она прославит свою

родину!»

Вначале она покорила родной город – девушку называли кутаисской госпожой. А в семнадцать лет, окончив учебное заведение святой Нино в Кутаиси, Верико, не спросив ни у кого разрешения, уехала в Москву и поступила в драматическую студию актера Малого театра Сергея Айдарова. Хотя ей никто и не запретил бы заниматься актерством, всем окружающим и так было ясно – растет актри-

са. Просто Верико с малых лет привыкла принимать решения самостоятельно.

Учебке помешала революция. Верико вернулась в Грузию, начала заниматься в театральной студии бывшего актера парижского театра «Антуан» Георгия Джабадари.

Верико не была красавицей. Но в ней было столько неотразимого шарма, что мужчины сходили с ума, и поклонников у нее была уйма.

Как-то раз в студию заглянул 24-летний Михаил Чиаурели. Он уже окончил тбилисскую школу живописи и ваяния, стал известен как одаренный скульптор, успел также поработать в качестве актера, режиссера и художника в театрах Кутаиси и Батуми.

Тут-то и состоялась первая встреча Верико и Михаила. Она оказалась судьбоносной и полностью изменила жизнь молодых людей. Михаил запомнил ее посекудно и подробно описал: «Кто-то воскликнул – вот, Верико идет! Не смогу объяснить, что меня так взволновало в ту минуту. Сам удивляюсь. Наверное, какое-то необъяснимое предчувствие все же существует, и преодолеть его невозможно. Но вот... Воцари-

В.Шухаев. Портрет В.Анджапаридзе

лась тишина. Широким шагом вошла женщина, одетая в длинное шелковое платье. Необыкновенно высокая шея. Чуть великоватый нос. Непослушная грива волос. Поздоровалась со всеми, но мне почему-то показалось, что на меня она взглянула с особым вниманием. Я видел ее впервые. И видел только ее! Так получилось, что она села рядом со мной. Какое счастье!»

А потом все присутствующие стали просить Верико почитать стихи. Она – ни в какую. Михаил, преодолевая робость, обратился к ней с этой же просьбой. И вдруг она кивнула головой и начала читать. И как читать! Последние строки утонули в овациях. Михаил молча склонился перед Верико и поцеловал ей руку.

Но путь к счастью оказался не из легких. Чиаурели был женат. А за Верико ухаживал Шалва Амирэджиби – поэт, журналист, член Национального совета и Учредительного собрания независимой Грузии. Верико обожала слушать его стихи, очень уважала. Именно благодаря Амирэджиби она сблизилась с поэтами-«голуборожцами» Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Валерианом Гаприндашвили. Отец Верико перед смертью попросил дочь выйти за Шалву, и она исполнила отцовский наказ. Верико втайне надеялась, что любовь к Михаилу Чиаурели, которая уже завладела ею, ослабнет, пройдет, и в 1919 году они с Шалвой обвенчались. Венчание состоялось в Квишхети. Когда молодожены вышли из церкви, Верико стало плохо. «Плохой знак», – перешептывались гости...

Совместная жизнь и правда не сложилась. Случилась трагедия – умерла новорожденная дочь. В сердце Верико, вместе с любовью к Михаилу, теперь навеки поселилась боль. Они с Шалвой расстались. В 1925 году Амирэджиби уехал в Париж. В его жизни так и не появилась другая женщина. И даже незадолго до смерти он посвящал Верико прекрасные стихи.

А спустя много лет Чабуа Амирэджиби напишет роман «Гора Мборгали», в котором расскажет о несчастной любви своего дяди Шалвы и Верико Анджапаридзе.

Как уже давно сказано, «любовь не кончается». Не кончалась она и в этой истории. Шалвы – к Верико. Верико и Михаи-

ла – друг к другу.

Чиаурели оставил семью. И Верико стала его женой.

Но и тут все сложилось не просто и не сразу. Отец Михаила Эдишер долго не мог простить сына. О Верико и слышать не хотел.

Чиаурели послали на стажировку в Германию. Верико поехала с ним. Михаил купил родителям подарки и попросил Верико, которая возвращалась в Тбилиси раньше него, отнести эти подарки его отцу: «Он увидит тебя и простит. Вкус у него есть». Так и вышло.

«Я – КАК ОТАРОВА ВДОВА...»

Верико и Михаил были одной из самых красивых пар в мире искусства.

И оставили в подарок истории не только свою легендарную любовь, но и великое кино – фильмы «Георгий Саакадзе», «Отарова вдова», «Иные нынче времена»...

«Я должна признаться, что сниматься в кино не люблю, – говорила Верико. – Истинно театральной актрисе очень трудно сделать в кино что-нибудь настоящее, выложиться в полную силу».

Из всех своих картин больше всего любила «Отарову вдову». Верико считала, что она сама очень похожа на героиню. «Я тоже очень неласковый, даже суровый человек. У меня есть внук, с которым я стараюсь быть как можно более нежной, потому что он очень раним, а вообще-то я даже со своими детьми не бываю ласковой. Актёрская профессия – страшная профессия, она сжирает в тебе все человеческое, все, что есть у тебя дорогого внутри, всю любовь, ласку, материнский талант. Без этой утраты нельзя, видимо, быть хорошим актером. Домой я приносила всегда только какие-то остатки чувств». Но, несмотря на внутреннее сходство с героиней, именно эта роль далась Верико с невероятным трудом.

Хотя бы один пример. Съёмки знаменитого эпизода, в ко-

С Петре Оцели

тором вдова идет за гробом своего сына, оказались самыми тяжелыми. Сцену снимали в деревне. Работала массовка, изображая похоронную процессию, пел хор, играла музыка. Все это настраивало на нужное внутреннее состояние. И вот прозвучала команда «Мотор! Начали!», процессия двинулась... И вдруг солнце скрылось. Снимать было нельзя. Все ждали, когда разойдутся тучи. Массовка разбрелась. Артисты отдыхали – ели, пели, кто-то играл на гитаре. А Верико продолжала неподвижно стоять около дерева. Она боялась растерять найденный эмоциональный настрой. Михаил Чиаурели принес стул, просил ее хоть ненадолго присесть. Но она так и простояла с двенадцати дня до пяти вечера. Потом выглянуло солнце, и сцена была снята. За эти несколько часов Верико похудела на глазах... А снятый эпизод навсегда вошел в классику миро-

вого кинематографа.

Именно за роль Отаровой вдовы Британская энциклопедия «Who is who» включила Верико Анджапаридзе в десятку величайших актрис XX века.

«ВАМ НАДО ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИК»

Что такое роль в спектакле? Рисунок на песке. Роли, сыгранные Верико на сцене, теперь уже невозможно ни увидеть, ни воспроизвести. Они остались легендой.

У нее была счастливая актерская судьба. Она сыграла почти все из классического репертуара. Кроме роли леди Макбет, которая так и осталась мечтой. Руководство театра было категорично: «В театре для вас нет подходящего Макбета». А когда Верико сама стала художественным руководителем театра, ей было неудобно настаивать на постановке «Макбета».

Грузии) зашел к Верико за кулисы. «Многих Камелий я видел, – сказал он. – Две из них были замечательны. И вот на старости лет увидел вас и сравниваю с теми двумя – Элеоноры Дузе и Сары Бернар. Вы ближе к Дузе. У меня даже было такое ощущение, что вы видели Дузе. Но в последнем акте я понял, что это не так. Последний акт – это неповторимо. Вы же не видите себя. Если бы вы знали, как вы становитесь некрасивы, когда плачете у окна! Но как бы вам позавидовала Сара, которая в этом месте была пленительно красива! Я впервые вижу, чтобы актриса разрешала так болеть своей Камелии, как это сделали вы. Вы теряете голос, постепенно хрипнете, и в конце в этом хриплом голосе слышится сплошное рыдание. Это потрясает. Да, дорогая Верико, за две-три так сыгранные роли я ставил бы артисту памятник».

Одна из лучших ролей Верико

На празднике цветов

Во время Великой Отечественной войны в Тбилиси были эвакуированы многие российские театры. В том числе и МХАТ. Как-то раз в театр Марджанишвили на спектакль «Дама с камелиями» пришли Владимир Немирович-Данченко и Ольга Книппер-Чехова. После спектакля великий режиссер (кстати, родившийся в

ко в театре – Юдифь в спектакле «Уриэль Акоста» в постановке Котэ Марджанишвили. Как-то раз на очередном спектакле, в третьем акте, Верико оступилась и упала. Да так неудачно, что сломала руку и ногу. «Скорая помощь» увезла актрису в больницу. В театре стоял переполох. Зрители обо всем узнали, но никто и не думал расхо-

даться. Предстоял четвертый акт. Послали за молодой актрисой Додо Чичинадзе – спасать спектакль. Она прибежала, начала гримироваться. Антракт затянулся почти на час. И вот дают третий звонок. Один из актеров собрался было выйти на сцену и объявить о замене. Как вдруг – телефонный звонок из больницы. Верико сообщает, что через 15 минут будет в театре. Ровно через четверть часа поднялся занавес. На сцене стояла Верико с гипсовыми повязками на ноге и руке. И со слезами на глазах смотрела на переполненный зал, который стоя аплодировал любимой актрисе...

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ СОФИКО

В 1938 году Николай Шенгелая снимал фильм «Золотая долина». Играли Верико Анджапаридзе, Ната Вачнадзе. Пела Ольга Микеладзе. И так

который снимался в «Золотой долине». Потом у Наты родился сын – Георгий Шенгелая. Верико тоже родила девочку (кстати, родила не в роддоме, а в своем доме на Пикрис гора), но новорожденная целый месяц прожила без имени. Верико хотела назвать дочь Еленой, а отец – Софьей. Наконец Михаил Чиаурели не выдержал, написал два этих имени на бумажках, бросил в шапку и запустил туда ручку девочки. Она ухватила записку с именем Софья. И наконец-то получила имя – Софико Чиаурели.

Все свое детство Софико скучала по маме. «Мама, ты скоро вернешься?» – это был ее вечный вопрос к Верико, которая пропадала на бесконечных репетициях, спектаклях, съемках... Верико часто брала дочь с собой на гастроли. Да только какая разница? На гастролях – те же спектакли и репетиции.

ДОМ, ГДЕ НЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА

Этот дом стоит на том месте, где Михаил впервые поцеловал Верико.

Двухэтажный (Софико потом надстроит третий этаж), с большой залой и двориком, где росли орех и вишня. В доме жили Верико, Михаил, их дети Рамаз и Софико, Джиу – сын умершего старшего брата Верико, Отар – сын Михаила Чиаурели от первого брака, сестры Михаила Наташа и Анико, домработница Нюра, няня по прозвищу Ляпупедор и поклонница Верико Тина. Мама Верико, которую все звали Бута, жила отдельно, но когда упала и сломала бедро, тоже лежала в доме. Бесконечно ночевали друзья и родственники, каждый вечер приходили гости. В доме на Пикрис гора побывали, наверное, все выдающиеся артисты и режиссеры, писатели и художники, ученые и политики. Даже в военное время здесь пировали. Но это были пиры дружбы и талантов, потому что на столе стояли только черный хлеб и вода. Ночи напролет читали стихи, пели и говорили об искусстве Качалов, Михоэлс, Охлопков, Немирович-Данченко, Книппер-Чехова...

Когда Софико подросла, ей разрешили присоединиться к взрослым. Но тут сказался ее своенравный характер. Она отказалась: «Когда я хотела в вашу компанию, вы меня не пускали. Теперь мне к вам можно, да я сама не хочу». К тому же все гости были уверены, что дочь Верико и Миши не может не иметь актерских способностей, и постоянно просили ее спеть, прочитав стихи, а этого Софико терпеть не могла. Так она никому ни разу ничего и не прочла. Когда Софико решила поступать на актерский, мать ей сказала: «Я представления не имею, какие у тебя способности. Прочти мне что-нибудь». – «Ты что, с ума сошла? – дерзко ответила Софико. – Что я тебе буду читать?» И самостоятельно, как когда-то Верико,

На Тбилисском вокзале перед гастролями

случилось, что все три женщины во время съемок были беременны. Однажды режиссер предложил: «Главных героев фильма зовут Нани и Георгий. У кого родится девочка, пусть назовет Нани, у кого мальчик – Георгий». Первой родила Ольга, и девочку назвали Нани. Это была Нани Брегвадзе, дочь Ольги и Георгия Брегвадзе,

Когда Софико было 6 лет, случилось чудо – у Верико выдалось целых 10 свободных дней, и она поехала вместе с дочкой в Гагра. Как Софико была счастлива! Но в первый же день пришла телеграмма – у Верико скончался брат. Она срочно вернулась в Тбилиси, а Софико осталась у знакомых.

В гостях в пионерском лагере

отправилась в Москву и поступила во ВГИК.

Когда-то на первом этаже Софико и ее супруг Котэ Махарадзе устроили музей Верико Анджапаридзе и Михаила Чиаурели и открыли Театр одного актера «Верико». «Я единственный в мире человек, который назвал театр именем тещи», – шутил Махарадзе. Сейчас и музей, и театр закрыты. Орех и вишню во дворе срубили...

ТАКАЯ РАЗНАЯ ВЕРИКО

Она была разной – резкой и снисходительной, гордой и уступчивой. Строгим и требовательным худруком театра имени Марджанишвили. Простой и заботливой мамой, бабушкой, тетей. Когда к ней приходил племянник Гиечка Данелия, она сама накрывала на стол. Даже хлеб ему нарезать не разрешала: «Сиди. Я женщина».

В 1974 году не стало Михаила Чиаурели, и морщинки на лице Верико стали глубже...

В старости, когда порой ей приходилось оставаться дома без дела неделю, а то и две, она становилась вялой, увядала на глазах. Но как только ее вызывали на репетицию или съемки, оживала в одну секунду. Собранная, молодая, красивая, она шествовала к

выходу перед своими домашними, которые так и не призывали к этим необыкновенным преобразованиям. Но зато знали – даже и подумать нельзя было о том, чтобы взять Верико под руку, когда она в образе. Никогда! Иначе испортишь торжественный выход.

В 1984 году из крохотного эпизода в фильме «Покаяние» Верико создала шедевр. Она появляется на экране всего лишь на одну минуту. Но ни ее облик, ни слова, произнесенные ею, забыть невозможно: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?»

Верико была и осталась национальным достоянием, поистине народной артисткой. Пройти с ней по улице было невозможно – прохожие останавливали, обнимали, целовали, бесконечно объяснялись в любви. Она часто выходила в город со своим внуком Никушей Шенгелая, и мальчик все время удивлялся – что эти люди хотят от его бабушки?

Круг друзей и знакомых Верико был очень широк. Но в числе этих людей был один человек, занимавший в ее сердце заповедное место. Фаина Раневская.

Две великие актрисы в старости с какой-то особенной ясностью стали ощущать свое

одинокое, боль утрат. И утешали друг друга. Раневская писала своей дорогой подруге: «Верико, моя обожаемая, пока я жива, вы не должны чувствовать одиночества. Я ведь не расстанусь с мыслями о вас ни на одну минуту... Вы моя самая дорогая, самая прекрасная – пишите мне, когда вам одиноко и грустно, всем сердцем, всей душой я ваша. Раневская».

Фаина Георгиевна первой навсегда покинула подругу. После смерти Раневской Верико написала ей письмо: «Дорогая моя, любимый друг, Фаина! Вы единственная, кому я писала письма, была еще Меричка – моя сестра, но ее уже давно нет, сегодня нет в живых и вас, но я все-таки пишу вам – это потребность моей души. Думая о вас, прежде всего вижу ваши глаза – огромные, нежные, но строгие и сильные – я всегда дочитывала в них то, что не договаривалось в словах. Они исчерпывали чувства – как на портретах великих мастеров. На вашем резко вылепленном лице глаза всегда улыбались, и улыбка была мягкая, добрая, даже когда вы иронизировали, и как хорошо, что у вас есть чувство юмора – это не просто хорошо, это очень хорошо – ибо кое-что трагическое вы переводите в состояние, которое вам не трудно побороть, и этому помогает чувство юмора, одно из самых замечательных качеств вашего характера. Фаина, моя дорогая, никак не могу заставить себя поверить в то, что вас нет, что вы мне уже не ответите, что от вас больше не придет ни одного письма, а ведь я всегда ждала ваших писем, они нужны были мне, необходимы... Я писала вам обо всем, что радовало, что огорчало. И я лишилась этого чудесного дара дружбы с вами, лишилась человека с большим сердцем. Моя дорогая, очень любимая Фаина, разве я могу забыть, как вы говорили, что жадно любите жизнь! Когда думаю о вас, у меня начинают

Софико Чиаурели (Фуфала) в фильме «Древо желаний»

болеть мозги. Кончаю письмо, в глазах мокро, они мешают видеть. Ваша всегда Верико Анджапаридзе».

«КАК Я ХОЧУ ЖИТЬ!»

Она оставалась женщиной до последнего вздоха.

Верико очень дружила с сестрой Меричкой, мамой Гии Данелия. Они часто разговаривали по телефону, писали друг другу письма. Каждый год Мери обязательно ездила в Тбилиси повидаться с сестрой.

В один из приездов Мери сразил инсульт. Данелия каждые выходные прилетал в Тбилиси из Москвы (остаться не мог – монтировал картину). А Верико сидела в больнице с утра до вечера.

Как-то раз Данелия прилетел и привез маме дефицитное импортное лекарство. И стал свидетелем такой сцены: «Вот, мама, новое лекарство. Теперь ты поправишься». – «Зачем? Я уже старая, дайте мне умереть». Ей тогда было семьдесят шесть. «Какая ты старая? Вот посмотри на свою сестру. Она старше тебя на четыре года, а

каждый день к тебе приходит, приносит еду, фрукты, сама тащит, пешком, в гору. А вечером еще в театре играет. И еще на всех орет». – «На семь», – говорит мама. «Что на семь?» – «Старше». – «На четыре», – говорит Верико. – «На семь». – «На четыре!» – «На семь». – «Дура! – закричала Верико. – С детства была душой, так и осталась!» И выбежала из палаты. А через пять минут вернулась и стала кормить маму с ложечки. Потом я выяснил, что Верико действительно убавила себе в паспорте годы. Женщина...»

С возрастом Верико начала часто вспоминать своего первого мужа... Было ли так в действительности или это плод писательской фантазии Чабуа Амирэджиби, но в романе «Гора Мборгали» он написал: «К концу жизни актриса почему-то все время отдыхала в Квишхети, хотя могла позволить себе отдых на более престижных курортах. А дело было в том, что именно здесь, в маленькой церквушке, она когда-то повенчалась с писателем... Эта церковь стоит рядом с до-

Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе

мом отдыха – старая, неухоженная, брошенная... Актриса иногда подолгу стоит у церкви – спиной к миру, прислонив лоб к церковной стене... Что это? Раскаяние, покаяние, сожаление о горькой судьбе первого мужа или траур старости?»

Верико стала повторять: «Господи, как мне надоело жить! Как надоело стареть! Когда Бог меня заберет? Умирать надо вовремя». И вдруг 31 января 1987 года Гия Данелия получает письмо от Верико, которое кончалось так: «Если бы ты знал, Гиечка, как мне хочется жить!» Через час ему позвонили: Верико умерла...

Гроб несли на руках из театра через весь Тбилиси. На улицах стояли десятки тысяч людей и аплодировали. Вся дорога от театра до кладбища была усыпана цветами. А из репродукторов, установленных через каждые сто метров, звучал голос Верико...

ТБИЛИССКИЙ ЦЕНТР «МОЛЬЕР ВОСТОКА»

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Мирзу Фатали Ахундова (Ахундзаде) по праву величают «Мольером Востока». В Баку его имя носят Государственный театр оперы и балета, Азербайджанская национальная библиотека. С постановки его пьесы «Визирь Ленкоранского ханства» любительской труппой в Баку в 1873 году началась история драматического искусства Азербайджана. Писатель, просветитель, человек широких взглядов и прогрессивного мышления – Мирза Фатали Ахундов является знаковой фигурой в азербайджанской культуре. Память о нем бережно хранят и на родине, и в Тифлисе, где он жил все зрелые годы своей жизни, и где написал произведения, обесмертившие его имя.

Родился Мирза Фатали 12 июля 1812 года в городе Нуха

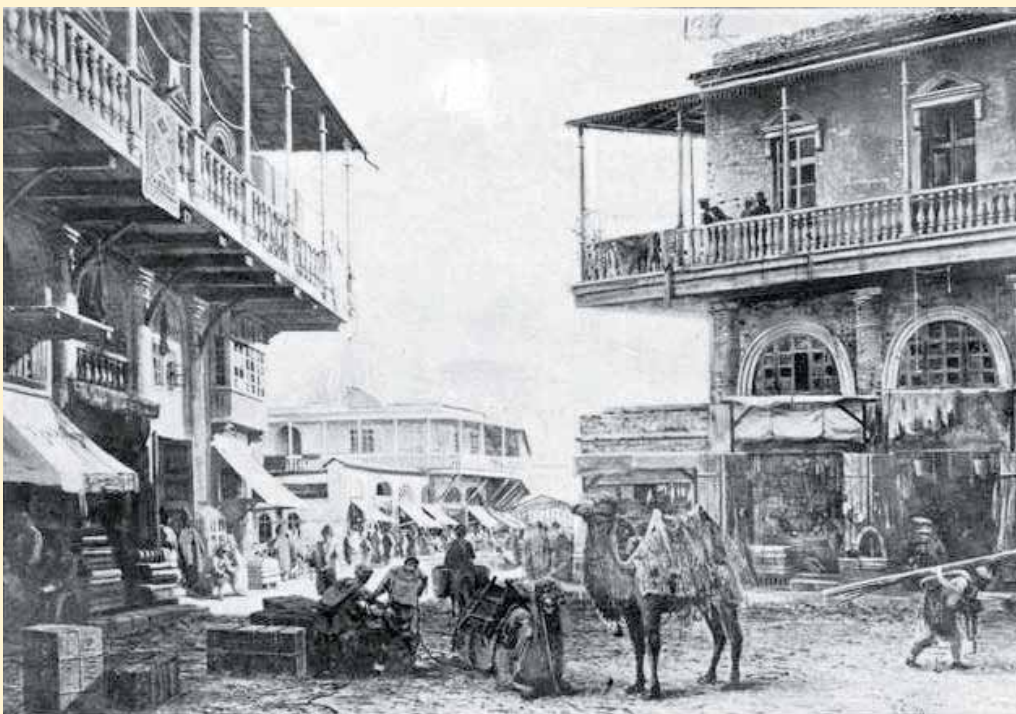
(ныне – Шеки) в семье торговца. Воспитывался и был усыновлен родным дядей своей матери Ахунд Али Асгером, который дал ему свою фамилию. Мальчиком Мирза учился сначала дома, а потом в медресе в Гяндже, где проявились его незаурядные способности, в первую очередь к языкам. Он преуспел в изучении арабского, фарси, говорил по-русски. Там же в медресе юноша познакомился с поэтом Мирза Шафи Вазехом, который был одним из его учителей и оказал на него сильное влияние.

По совету и с помощью своего приемного отца, Али Асгера, Ахундов переезжает в Тифлис – в административный и культурный центр Закавказья того времени. Приехав в город в 1834 году, Мирза Фатали остался в нем до конца своих

дней, прожив в Тифлисе 44 года.

Талантливого молодого человека приняли помощником переводчика с восточных языков в канцелярию царского наместника на Кавказе, а через два года перевели в ранг переводчика. Успешно продвигаясь по карьерной лестнице, он получал и военные чины и дослужился до звания полковника. Постоянно сопровождая в качестве переводчика различные дипломатические и военные миссии, Ахундов побывал в Персии, Турции и других странах, был награжден несколькими орденами и медалями.

Параллельно со службой он преподавал в Тифлисском уездном училище, свел знакомство с деятелями грузинской культуры, прогрессивными российскими писателями,

Мирза Фатали Ахундов

декабристами, сосланными на Кавказ. Интеллектуалы, в кругу которых он вращался, бесспорно, оказали влияние на становление личности Ахундова, помогли отшлифовать его таланты. Мирза Фатали стал одним из самых просвещенных людей того времени на Кавказе. Его первым литературным произведением, получившим известность, стала «Восточная поэма на смерть Пушкина».

В 50-х годах XIX века из-под пера Ахундова одна за другой выходят несколько пьес о народной жизни: «Молла Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня», «Повесть о Мусье Жордане, ученом-ботанике и дервише Масталишахе, знаменитом колдуне» (первая постановка на русской сцене в переводе автора в Петербурге – 1851 год, и в Тифлисе – 1852 г.), «Визирь Ленкоранского ханства», «Медведь, победитель разбойника», «Приключение скряги» («Хаджи-Гара»), «Адвокаты города Тебриз». В 1857 году он пишет сатирическую повесть «Обманутые звезды».

В своих произведениях Ахундов проявил себя тонким знатоком человеческих душ,

народного характера и быта. Пьесы его полны юмора и драматизма. Трагикомические истории повествуют нам о прошедшей эпохе, но не теряют актуальности и сегодня. Годы расцвета творчества Ахундова безусловно связаны с развитием культурной жизни в Тифлисе. И тут следует отметить благотворную роль наместника, графа М.С. Воронцова, который поспособствовал развитию национального драматического искусства. В Тифлисе сложился благоприятный режим для постановок произведений и грузинских авторов, в частности, Георгия Эристави, и азербайджанского – Мирза Фатали Ахундова.

Поселился Ахундов в живописном месте Тифлиса, вблизи Мейдана. Сто лет спустя Белла Ахмадулина так опишет этот уголок старого города: «Природы вогнутый карниз, где Бог капризный, вдав в каприз, над миром примостил то чудо». Каким видел его писатель со своего балкона? Да почти таким же! Один из элементов колдовского очарования этого места заключается в том, что спустя 150 лет изменилось все, и в то же время – ничего. Замените

звуковую дорожку городского шума, виртуально сотрите современные строения и парапет набережной. На противоположном берегу Куры останется Метехи, отчаянные домишки с легкомысленными балконами, нависшие над водой. За ахундовским домом – Нарикала, на одной линии (ныне улица Горгасали) – серные бани и Мейдан.

Сегодня на месте старинного двухэтажного дома, где писатель занимал несколько комнат, стоит прекрасно отреставрированный особняк с надстроенным третьим этажом. В нем разместились: Музей азербайджанской культуры, галерея современного искусства «Akhundov House», литературное кафе «Monsieur Jordan», библиотека и винный погреб. Коротко весь этот комплекс или центр культуры называется «Домом Ахундова» («Akhundov House»).

О деятельности Центра, ставшего всего за два с половиной года одним из самых известных и привлекательных культурных объектов Тбилиси, рассказывает арт-директор галереи «Akhundov House», журналист Арчил Бежанишвили:

– Несколько лет назад биз-

В выставочном зале

нес-леди из Баку г-жа Мехрибан Мурадова-Исмаилова, руководитель проекта реконструкции Дома-музея Ахундова, загорелась идеей создать здесь, помимо существующего музея, литературное кафе и художественную галерею, то есть превратить это пространство в своеобразный комплекс культуры. Реставрация и реконструкция старинного здания на улице Горгасали была осуществлена на средства, выделенные Грузинским представительством Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (SOCAR). Стоит один раз побывать в Центре, чтобы убедиться, на каком высоком уровне и с какой любовью была проведена реконструкция «Akhundov House». Кстати сказать, Представительство SOCAR в Грузии и его директор г-н Маир Мамедов и по сей день проявляют заинтересованность и оказывают большую поддержку нашим инициативам, художественным и издательским проектам. Наша цель – знакомить посетителей с яркими образцами грузинского, азербайджанского, а также европейского искусства. Создавать комфортную атмосферу для отдыха и общения, способствовать укреплению друже-

ских связей между народами.

Знакомство с Центром началось с экскурсии по музейным залам.

– **Имеются ли в экспозиции личные вещи классика?**

– К сожалению, до нашего времени дошли только фотографии Ахундова и всего несколько личных вещей. Комнаты в музее реконструированы по старым снимкам. Мебель и предметы быта – настольные лампы, настенные часы, книги в мемориальной комнате – являются подлинными образцами той эпохи. Экспозиция музея, существующая с 1982 года, необычайно насыщена. В шести залах представлена (разумеется, очень кратко) история культуры Азербайджана – от наскальных рисунков эпохи мезолита из Гобустанского историко-художественного заповедника до современных достижений в области искусства. Посетители знакомятся с образцами национальной одежды, изысканными тканями кошельками и украшениями, музыкальными инструментами, инкрустированными перламутром. Именно на таких инструментах играли виртуозные музыканты-ханенде. На стендах представлены портреты и краткое описание деятель-

Рати Амаглобели и Арчил Бижанишвили

ности выдающихся деятелей азербайджанской культуры – писателей, композиторов, музыкантов, певцов, драматических артистов. Многие экспонаты посвящены Ахундову – это и ковер ручной работы с его портретом, каменная композиция в виде раскрытой книги, на страницах которой изображены герои произведений классика.

– На мой взгляд, – продолжает свой рассказ Арчил Бижанишвили, – очень интересен стенд, на котором представлены выдающиеся деятели Азербайджана, учившиеся в городе Гори, например, Нариман Нариманов, Муслим Магомаев – дедушка замечательного певца, Хасан-бек Зардаби – основатель прессы Азербайджана.

В музее постоянно проводятся коллективные и индивидуальные экскурсии. Можно пройти по залам и с аудиогидом – к услугам гостей записи экскурсий на пяти языках – грузинском, азербайджанском, русском, английском и французском.

В скверике перед зданием Центра недавно был поставлен бюст певцу Бюльбюлю работы Гии Джапаридзе.

– **Поразительно, как в вашем Центре ощущается сочетание неповторимого тбилисского колорита, изысканности Востока и европейского шарма.**

– С нашими азербайджанскими друзьями мы были единомышленны в том, что Центр «Akhundov House» не должен замыкаться узкими национальными рамками. Это противоречило бы духу творчества и образу мыслей самого Ахундова, ориентированного в своем мировоззрении на европейскую культуру. В читальном зале нашей библиотеки представлено около 2500 книг, большинство из которых – антикварные и раритетные издания на французском, русском, английском, азербайджанском, грузинском

ты итальянского сценариста, писателя, художника Тонино Гуэрра и кинорежиссера, художника и модельера Рустама Хамдамова; экспозиция русских и грузинских художников XIX – первой половины XX вв. из частных тбилисских коллекций, в которой были представлены картины таких выдающихся мастеров, как Илья Репин, Борис Кустодиев, Ладос Гудиашвили, Елена Ахвледиани, Николай Сверчков, Кирилл Зданевич, Натан Альтман, Автандил Варазни и др. На выставке «ReWoven» демонстрирова-

Дизайн у нас самый незатейливый, потому что главная составляющая – вино, не нуждается в вычурном антураже. Винный погреб функционирует с осени 2013 года: в нашей коллекции около пятисот бутылок грузинского вина различных марок от обычных до элитных, в основном, от малых компаний-производителей. Наши винные сокровища может продегустировать каждый желающий.

– А кто из высоких гостей оценил вашу коллекцию?

– Назову в первую очередь президента Азербайджана г-на Ильхама Алиева. У нас побывал и спикер Милли Меджлиса – парламента республики – Октай Асадов, которому очень понравился «Саперави» урожая 2007 г. небольшой винной компании «Энисели». Побывали здесь и наверху в кафе Нани Брегвадзе, другие яркие представители мира искусства. Гости говорят, что получили от посещения удовольствие. А совсем недавно за круглым столом нашего кафе обсудили свои проблемы легендарный Мишель Платини, приехавший в Тбилиси на финал Суперкубка УЕФА и президент SOCAR Ровнаг Абдуллаев, который возглавляет и футбольную федерацию своей страны.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о вашем литературном кафе.

– Говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет. Наше кафе мы назвали «Monsieur Jordan» – в честь одного из самых известных персонажей пьес Ахундова. Хотелось создать особое пространство, в котором бы доминировал европейский стиль. Французский акцент внес в кафе особый колорит: деревянная мебель под старину, абажуры, столики с оригинальными скатертями и живыми цветами, французский шансон. На стеллажах книги на разных языках. Около 30 посадочных мест, в баре – французские вина, коньяк и шампанское нескольких сортов. Наш шеф-повар прошел стажиров-

Здесь можно отведать блюда азербайджанской кухни

и других языках. Имеется у нас и хорошо оснащенный технически зал электронной библиотеки. К слову, стать нашим читателем может каждый желающий.

– Знаю, что ваша художественная галерея провела несколько очень интересных выставок.

– С момента открытия в мае 2013 года мы провели пятнадцать групповых и индивидуальных выставок. Перечислю некоторые из них: персональная выставка Мераба Абрамишвили; выставка под названием «2 служителя 2-х муз», объединившая художественные рабо-

лись азербайджанские ковры, сотканые в Грузии. В ближайших планах – организация и проведение выставки работ современных художников Азербайджана и Грузии.

– А как появилась идея объединить под одной крышей арт-галерею и винный погреб?

– Художественная галерея расположена в подвальном помещении здания. Там же рядом пустовал небольшой зал со сводчатым потолком, выложенным грузинским кирпичом – идеальное место для винного погреба. Вот мы и решили устроить здесь винный погреб.

Экспонаты музея

В винном погребе

ку в Париже и получил сертификат. Так что в меню кафе «Monsieur Jordan» вместо традиционных хинкали и хачапури – крем-супы, фуа-гра, крепы с грибами, сотэ по-лионски и другие изыски знаменитой французской кухни.

– **Еще одна «фишка» – восковая фигура Мирзы Фатали в уголке кафе. Классик сидит с ручкой в руках за**

изящно огражденным письменным столом...

– Однажды зашла попить кофе туристка-иностранка, ничего не зная о нашем кафе. Сидела, наслаждалась «парижской» атмосферой и вдруг сообразила, что в углу сидит непростой «посетитель» и от неожиданности вздрогнула – было такое. Но это единичный случай. Обычно к нам приходит подготовленная публика – писатели, поэты, художники. Большинству «присутствие» классика нравится. Создал фигуру один известный азербайджанский художник-концептуалист Чингиз Бабаев, который некоторое время жил и работал в Лондоне. Он скрупулезно и мастерски изготовил фигуру по технологии скульптур для музея мадам Тюссо.

– **Действительно, скульптура предельно реалистична. Невольно возникает чувство, что сейчас Мирза Фатали обмакнет перо в чернильницу и... Интересно, каким он был человеком?**

– Доподлинно о нем известно очень мало. Однозначно, что Ахундов был человеком общительным и широких, прогрессивных взглядов. Он

был одним из ярких представителей тифлисской творческой элиты того времени. Достаточно упомянуть круг его общения: Георгий Эристави, Григол Орбелиани, Владимир Соллогуб, Александр Бестужев-Марлинский, Яков Полонский... В своем доме Ахундов принимал путешествовавшего по Кавказу в 1858-1859 годах Александра Дюма. Сохранилось свидетельство сына Мирзы Фатали – Рашида, который писал: «Дюма захотел встретиться и познакомиться с моим отцом, имя которого уже было известно и за пределами Кавказа... Эти два мастера пера при первой же встрече обнялись друг с другом...».

Что касается личных качеств Ахундова, то можно привести два примера. Известен факт, что по каким-то причинам, скорее всего из желания помочь бывшему наставнику, он уступил свое место преподавателя в уездном училище Мирзе Шафи Вазеху.

Вторая история прекрасно вписывается в тифлисский фольклор. Ее поведал учитель музыки Исмаил Рзаев, по воспоминаниям своего дедушки об Ахундове. По словам Рзае-

ва, дело было так: жена классика перевесила через перила большой ковер, Мирза Фатали увидел, как какой-то прохожимец изловчился и стянул ковер наземь, скатал его и убежал. Ахундов молча проводил его взглядом и последовал за ним. Идти пришлось недолго, воришка пристроился к торговцам на Шайтан-базаре, который находился недалеко от дома. Мирза приценился к собственному коврику, а жулик всю расхваливал товар. Сторговались. Писатель заплатил деньги и попросил донести покупку до дома, пообещав заплатить за доставку. Только у порога вор заподозрил неладное, выложил деньги и стал умолять не вызывать полицию. Однако хозяин велел: «Спрячь деньги и верни ковер, откуда взял». Кроме того, Ахундов заплатил мошеннику за доставку. Прощаясь, посоветовал больше не воровать, чтобы не оставить детей сиротами. Вот такой кавказский вариант эпизода из «Отверженных» Гюго – когда священник отдает Жану Вальжану серебряные подсвечники...

– У Ахундова была большая семья?

– Несколько его детей скон-

чались в детстве. Остались двое – Рашид и дочка Нисаханум.

– Над чем он работал в последние годы жизни?

– Одной из прогрессивных идей Ахундова была попытка заменить арабскую вязь в письменности на алфавит, сочетающий латиницу и кириллицу. Свои предложения он разослал государственным деятелям и ученым Турции и Персии, поскольку его комбинированный алфавит подходил для использования в этих странах, в то время также использовавших арабскую письменность. Тогда его идее не дали хода. Ахундов, как оказалось, обогнал свое время – его проект был реализован лишь на короткое время с 1927-го по 1939 г. и восстановлен в пору обретения Азербайджаном государственной независимости.

– Рассказ о Центре был бы неполным без упоминания о вашей издательской деятельности.

– Два года назад мы издали солидную работу Алхана Бинатоглу «М.Ф. Ахунзаде и Тифлис» на азербайджанском языке. Затем перевели и напечатали эту книгу на грузин-

ском и английском языках. Издали мы и несколько пьес Мирзы Фатали – на русском языке («Приключение скряги» («Хаджи-Гара»), на английском («Молла Ибрагим-Халил, алхимик»), и на французском («Повесть о Мусье Жордане, ученом-ботанике»).

В прошлом году мы составили и издали красочный каталог «Азербайджанские ковры из Национального музея Грузии», презентация которого с большим успехом прошла в Баку, в Музее ковра. В ближайших планах – издание уже переведенной нами на русский язык книги «М.Ф. Ахунзаде и Тифлис».

– Спасибо. Желаем успехов в реализации ваших дальнейших планов. Можно только порадоваться, что в Тбилиси появился и уже заслужил прочную репутацию столь неординарный оазис культуры, объединяющий традиции Грузии и Азербайджана.

Дом, в котором жил в Тбилиси Котэ Марджанишвили

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

По соседству с многоэтажным, правительственным комплексом на улице Ингорквэ этот старый дом в три этажа выглядит совершенно непрезентабельно. От сегодняшнего дня в его облике – лишь новая железная дверь, но и она скрывает за собой полуразрушенный подъезд. Завершает картину побледневшая от времени мемориальная доска на покосившейся стене с давно облупившейся покраской. Между тем надпись на этой доске напоминает, что здесь жил человек, чья личность, работы и семейные связи по сей день объединяют духовность грузин и русских... Прямо через дорогу – один из входов в правительственное здание, с множеством полицейских: надо ведь охранять руководящих

работников. А в стареньком доме жил человек, который и в охране никогда не нуждался, и ох, как не любил, когда им пытались руководить. Но имя его до сих пор громко звучит и в Грузии, и в России – Котэ Марджанишвили.

Со знаковыми именами грузинской культуры судьба связала его с детства. Первое из них прозвучало даже еще до его рождения в кахетинском городке Кварели: многие прочили его мать Елизавету Чавчавадзе в жены родственнику Илье, ставшему великим поэтом. Но девушка выходит замуж за военного – выпускника Петербургского военно-инженерного училища Александра Марджанишвили, как тогда говорили, Марджанова. Он блестяще знает литературу, сам пишет

и переводит стихи. Разносторонне образованная, знающая несколько языков Елизавета прекрасно разбирается и в музыке, хорошо поет. Так что, вполне естественно в их тифлисском доме образуется художественный салон. Однако хозяин этого салона не только светский человек, но, в первую очередь, офицер. В схватке с турками на реке Чорохи его ранят в горло, лечение за границей не помогает... Когда он уходит из жизни, его вдове всего двадцать шесть лет, а сыну Котэ нет и четырех.

Осиротевшую семью поддерживают многочисленные друзья и родственники, со временем в доме вновь воцаряется творческая атмосфера, продолжают звучать громкие имена. Ведь среди близких дру-

Александр Марджанишвили

зей – поэты Акакий и Георгий Церетели, писатели Александр Казбеги, Иванэ Мачабели и Дмитрий Кипиани, журналист Серги Месхи, драматург и постановщик Авксентий Цагарели, актеры и режиссеры Васо Абашидзе, Ладо Алекси-Месхишвили. А такие звездные актеры, как Котэ и Ефимия Месхи, Мако Сапарова-Абашидзе вообще родственники маленького Константина. Все они подолгу гостят в семье Марджанишвили, и неудивительно, что там иногда даже проводятся репетиции одной из постановок грузинского театра. Когда Котэ дарят «волшебный фонарь», он каждый вечер собирает на показ картин всех домашних и гостей. Так впервые появляются организованные им представления.

Его дебют на сцене – в двенадцать лет, в Первой тифлисской гимназии, которую до него окончили два других корифея русского театра – Владимир Немирович-Данченко и Александр Сумбаташвили-Южин. Гимназист Котэ дебютирует в русской классике, в гоголевской «Женитьбе» играет... Агафью Тихоновну. А после смерти матери и двух сестер уезжает

в Кварели, поближе к родным могилам. Там, на малой родине, он продолжает то, чем занимался и во время приездов на каникулы – ставит пьесы. Большой марани (винный погреб) превращается в сценическую площадку, родственники и дру-

Елизавета Марджанишвили

зья семьи – в актеров. Зрители – местные крестьяне, репертуар – грузинская классика (инсценировка поэмы Ильи Чавчавадзе «Како-разбойник») и последние русские пьесы из литературно-художественного журнала «Артист», который Котэ выписывает вместе с другой прессой из Санкт-Петербурга и Москвы. Хотя спустя годы он и сам удивлялся, зачем показывал некоторые пьесы крестьянам, не знающим русского языка, все это было неплохой режиссерской практикой для увлеченного театром юноши.

Потом – любительские театры в Телави и Кутаиси, в 1894-м – дебют на профессиональной сцене в «Побочном сыне» Александра Дюма. А это – уже публикации в газете «Иверия». Первая – сообщение от 26 ноября того же года о том, что на следующий день в Тифлисе «Товариществом

по устройству грузинских спектаклей» будет представлена для дебюта г-жи Гамкрелидзе и г-на Марджанова драма в 5 действиях А.Церетели «Патара Кахи». Вторая – рецензия, появившаяся через два дня после спектакля: «Особое внимание привлек актер, впервые исполнивший роль маленького кахетинца... Если этому, дарованному ему внешнему благу он не пожалует своих желаний и стараний, сейчас же можно предсказать, что он станет весьма подходящим артистом нашей сцены». Удачный дебют Котэ в Тифлисе!

Артист Марджанишвили действительно очень подходит для грузинской сцены, играет на ней три года. Да еще успевает выполнить свое давнее желание – прослушать курс лекций в драматической школе в Москве. А в 1896-м знаменательное событие – женитьба. Она связывает грузинского артиста с одной из самых интересных актерских династий России. Наденька Живокини, внучка и дочь знаменитых комиков Малого театра, приезжает в Тифлис с труппой Н.Шумилина и почти через два месяца у ее прославленной фамилии появляется продолжение через дефис – «Марджанишвили». Затем оба уезжают в Россию. Известный искусствовед Этери Гугушвили объясняет этом тем, что не очень доброжелательные отзывы критики о романтической манере игры «наталкивали всегда трезво относящегося к своему творчеству Марджанишвили на мысль о том, что не все благополучно в его собственной «лаборатории», породили желание побольше увидеть, узнать, научиться».

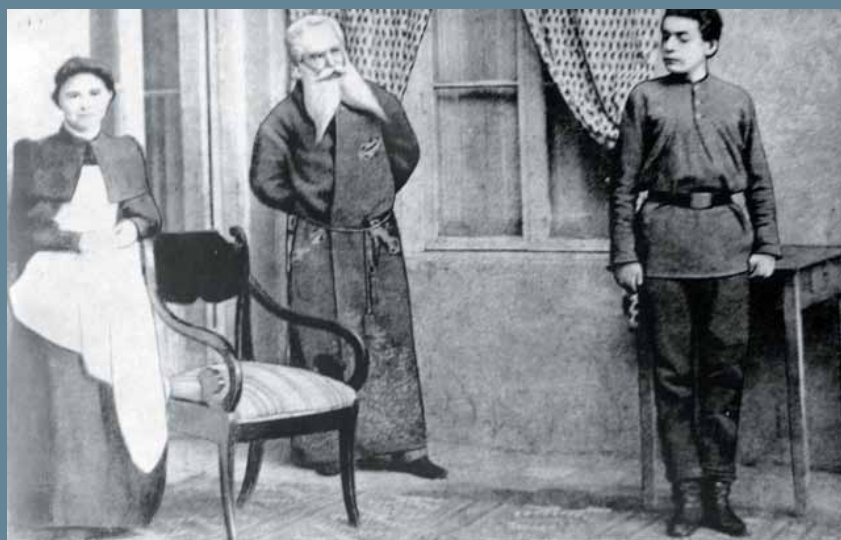

Гимназист Котэ

Что и «приводит его к решению поехать в Россию, теперь уже на довольно длительный срок».

Константин и Надежда начинают жить жизнью российской театральной провинции под фамилией Марджановы. Помните, как в «Лесе» Александра Островского артисты Счастливец и Несчастливец перечисляют до десятка городов во всех концах страны, где им довелось выступать? Так вот, у Марджанишвили этот список гораздо солиднее, и он – не придумка драматурга: Елизаветград, Керчь, Баку, Тамбов, Иваново-Вознесенск, Ташкент, Ашхабад, Тула, Орел, Луганск, Вятка, Ярославль, Уфа, Иркутск, Пермь, Рига, Москва, Смоленск, Витебск, Пенза, Рига... Да еще с полдюжины украинских городов. Приходится играть и в классике, и в пьесах-однодневках, создавать самые различные образы. Так на российской сцене мужает сценическое мастерство, расширяются актерские возможности.

Это – время, когда в провинциальных театрах штатная должность «режиссер» прак-

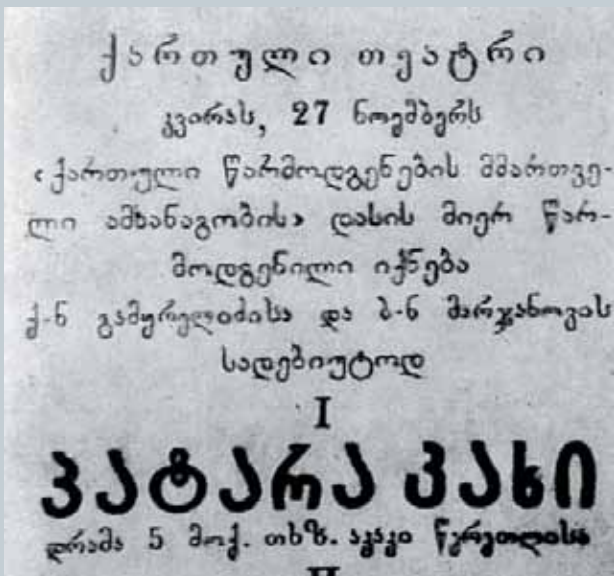
Один из первых любительских спектаклей юного Котэ

тически отсутствует, спектакли ставят актеры, играющие первые роли. А Котэ мечтает именно о режиссерской работе. И такая возможность ему предоставляется в Вятке, где должен состояться бенефис его жены. Та выбирает чеховского «Дядю Ваню», и Марджанишвили с головой погружается в новую работу. Он не спит ночами – чертит планы, в которых позиции актеров заполняют хлебные шарики и, что самое важное, артисты полностью подчиняются его указаниям. Спектакль имеет огромный успех, его повторяют еще три раза – большая редкость для провинции. Так в январе 1901 года рождается Марджанишвили-режиссер.

Но продолжить эту работу он может лишь через два года – мешают частые переезды и требования работодателей. Лишь в Уфе, где после бегства антрепренера Котэ возглавляет труппу, он снова сам ставит спектакли, привнося в репертуар русскую классику. Как о талантливом режиссере, о нем заговорили и в Москве. Дебют в этом городе проходит летом 1903-го в театре Московского зоологического сада, куда его приглашают не только играть первые роли, но и режиссировать. Дела идут очень успешно. Бенефис Марджанишвили перед отъездом в Иркутск проходит при полном аншлаге. В Иркутске же газеты прямо под-

черкивают, что Марджанишвили приглашен именно в качестве режиссера. В этом городе – самый напряженный период во всей его режиссерской практике: ни много ни мало – девяносто две пьесы за сезон. В среднем – по восемнадцать в месяц! Убежден, что в Книге Гиннеса сегодня нет такого показателя... А пресса в восторге, утверждает, «что следует отдать должное и режиссеру, справившемуся со своей задачей прекрасно».

Вернувшись в Москву, молодой режиссер сразу получает приглашение в Ригу, в антрепризу Константина Незлобина, считающуюся одной из лучших в провинции. Там он работает со звездой Московского художественного театра (МХТ) Марией Андреевой, гражданской женой Горького. Этого писателя Марджанишвили очень высоко ценил, много раз ставил его вещи, а тут посчастливилось работать над «Дачниками» при непосредственном участии автора. Горький не захотел отдать пьесу Немировичу-Данченко в МХТ и доверил ее одновременно молодому режиссеру в Риге и Театру В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге. Рижская премьера состоялась в ноябре 1904 года, и вот – резюме прессы. Газета «Петербургский дневник театрала»: «Пьеса хорошо поставлена режиссером Мар-

Объявление о дебюте К.Марджанишвили в Тифлисе

джановым, декорации и вся постановка много интереснее, оригинальнее и красивее, чем в театре Комиссаржевской». Газета «Прибалтийский край»: «Нам сообщают, что М.Горький остался доволен исполнением его «Дачников» в нашем театре и нашел, что ансамбль у нас лучше петербургского. Это и понятно, так как на подготовку этой пьесы было обращено здесь тщательное внимание».

Горький помогает труппе Марджанишвили в выборе репертуара, проведении репетиций и так начинается дружба режиссера с писателем и примой Андреевой. Когда Горького арестовывают «за политику» на глазах у Котэ, тот пытается собрать студентов грузинского землячества, чтобы отбить у жандармов задержанного. Когда Горький возвращается в Ригу после ареста, именно Котэ встречает его на вокзале по просьбе заболевшей Андреевой. Через Алексея Максимовича грузинский режиссер сближается с Александром Блоком, Леонидом Андреевым, другими большими литераторами. И даже, по поручению Горького, тайно едет к знаменитому меценату Савве Морозову за залогом для арестованного Леонида Андреева. А когда его приглашают на императорскую сцену в молодежный театр, создаваемый при Малом, он отказывается: «Конечно, я был на седьмом небе: в столицу! на «императорскую»!». Но первая же встреча с А.М. Горьким быстро охладила меня».

И уж, если мы упомянули Марию Андрееву – красавицу-актрису и пламенную революционерку, светскую львицу и литературного секретаря пролетарского писателя – предлагаю читателям перенестись на много лет вперед, в дом народного комиссара просвещения РСФСР Анатолия Луначарского. Там Марджанишвили разыгрывает сценку, посвященную пребыванию Андреевой в Тифлисе. Именно в этом городе она провела пять лет с 1886 года, именно там возшла ее театральная звезда, именно в столице Грузии она

сменила фамилию мужа Желябужская на псевдоним «Андреева». И на одном из банкетов очередной влюбленный в нее тифлисец, выпив тост, объявил, что больше никто не выпьет из бокала, наполненного в честь такой прекрасной женщины. После чего прилюдно... съел бокал. И вот у Луначарского актриса со вздохом вспоминает об этом: «Дела минувших дней, а теперь никто для меня не будет грызть бокалы, да и грузин таких больше нет». «Ошибаетесь, Мария Федоровна, – «обиженно» заявляет Марджанишвили. – Грызть бокалы – у нас это самая обычная вещь. Я вам докажу, хотя я и не совсем юный грузин... Вот сейчас выпью за ваше здоровье и закушу бокалом». Когда он подносит осушенный бокал ко рту, жена Луначарского испуганно вскрикивает. И Котэ «смущенно» говорит ей: «Извините, Наталья Александровна, я понимаю – вам жалко такого бокала; нельзя разрознить винный сервиз». Присутствовавшие свидетельствовали: «Андреева хохотала до слез»...

Но вернемся в 1900-е годы. Рижская постановка «Дачников» становится значительным событием в театральной жизни России, спектакль привозят в Москву и там – всеобщее признание Марджанишвили. Вместе с другими театральными корифеями постановку высоко оценивают Станиславский, Немирович-Данченко, Сумбаташвили-Южин. Именно тогда у основателей МХТ, как говорится, появляются виды на талантливого режиссера. А он тем временем ставит спектакли на Украине, в 1900 году начинает свой

Котэ Марджанишвили в молодости

К.Марджанишвили с женой и сыном

московский период – в театре Незлобина, переехавшего из Риги. А еще он вместе с Сумбашвили-Южиным, кутаисским актером-практикантом МХТ Валерианом Шаликашвили и профессором Московского университета Александром Хаханашвили создает грузинскую драматическую студию. Увы, просуществовала она недолго – «из-за отсутствия материальной базы».

И тут Котэ получает два предложения. Министр просвещения Болгарии лично предлагает ему должность режиссера и руководителя Софийского королевского театра. А Немирович-Данченко зовет в Художественный театр. Марджанишвили предпочитает второе. Поначалу он соучаствует в постановках других режиссеров – «Братья Карамазовы» и «Гамлет». Когда же театр уезжает на гастроли, Котэ ставит с оставшейся молодежью спектакль, объединяющий отрывки из различных пьес. Журнал «Рампа и жизнь» подчеркивает в начале 1910 года: «Спектакль этот является первым дебютом в Художественном театре нового режиссера Марджанова». Вообще-то, дебют вторым и не бывает... Но все равно приятно! А известный актер Борис Сушкевич вспоминал: «Помню этот единственный год, когда эта работа была организована, когда нашелся человек, который все свое время отдал работе с этой молодежью. Это был как раз К.А. Марджанов. Он нас впервые познакомил как бы с педагогикой».

В то время Котэ преподает еще и в частной школе артистки МХТ Софьи Халютиной, кстати, вместе с другим грузином – работавшим в том же театре батумцем Вахангом Мchedlishvili (Мчеделовым). И делает это настолько успеш-

но, что Станиславский доверяет ему вести занятия в Первой студии Художественного театра, знаменитой, как бы сейчас сказали, «кузнице актерских кадров». Именно там – знакомство с молодым Евгением Вахтанговым, который навсегда сохранил «почтительно-благоговейное отношение» к нему. На сцене Художественного театра Котэ самостоятельно ставит два спектакля. Над пьесой Кнута Гамсуна «У жизни в лапах» работает с вошедшими в историю русского театра актерами Ольгой Книппер, Василием Качаловым, Леонидом Леонидовым, композитором Ильей Сацем, художником Виктором Симовым. Премьера в феврале 1911 года имеет огромный успех, и спектакль остается в репертуаре театра более двух десятилетий. А в отношении «Пер Гюнта» по Генрику Ибсену «Московский листок» пишет, что многое «в режиссерской работе блещет глубокой продуманностью, богатством воображения и значительной тщательностью в отделке каждой маленькой подробности». Есть в прессе и мнение о том, что «режиссер и декоратор достигли именно того, что и нужно было сделать: они в сухую, холодную схему вдохнули душу живую, бесплотным символам дали своего рода плоть и кровь». Кстати, декоратор – это Николай Рерих, которого Марджанишвили приглашает после того, как не находит нужного художника даже в командировке в Норвегию. И Рерих заявляет: «В этом режиссере я скоро почувствовал художника, который работает вне влияния всяких случайных впечатлений, умеет черпать свое вдохновение в самом произведении и во всем исходит только из него».

А еще Котэ работает и над пьесой Гуго фон Гофманстала «Эдип и сфинкс», хочет поставить ее на Украине. А когда это не удастся, исполняет желание на родине – спектакль десять раз идет с аншлагом в тифлисском Казенном (ныне – оперном) театре, где играла русская драматическая труппа Михаила Нартова. Газеты пишут о «крупном театральном явлении», «Эдипа» ставит и грузинский театр, причем, как сообщает газета «Закавказская речь», «по мизансценам режиссера МХТ Марджанишвили». Это – уже второй отход Котэ от сцены МХТ, вне ее поставлены еще и «Слезы» первого русского профессионального киносценариста Александра Вознесенского. И эти две «отлучки» – уже признак того, что сцена, на которой он работал три года, увы, так и не стала для него своей.

Он уходит вскоре после постановки «Пер Гюнта». Почему? Человеку, привыкшему быть полным хозяином спектакля, трудно терпеть контроль со стороны руководителей театра. Метод работы МХТ не совпадает с его пониманием театра как праздника, простора для эксперимента, режиссерской фантазии, синтеза различных жанров. «Марджанов не берется ставить

бытовую пьесу», – писал Немирович-Данченко. А это – слова самого Котэ: «Меня позвали туда, и какой это был праздник – я думал, что подошел к подлинному источнику искусства... Потом борьба в нем – мой протест против их будней, против той пошлости, с которой и они будто бы боролись...». При этом творческие разногласия вовсе не мешают его хорошим отношениям с МХТ. Одно из свидетельств тому – подаренная им Станиславскому уникальная книга профессора Хаханашвили «История Грузии», изданная в 1900 году на французском языке для Парижской международной выставки.

После Художественного театра самый яркий период работы в Москве – созданный по собственной задумке «Свободный театр»: «Свободный от приспособляемости, от штампа, он должен быть свободным... Ну разве мог я назвать иначе тот театр, к которому я стремился». А стремился он к синтетическому театру и поэтому набрал актеров, которые могут выступать и в драме, и в оперетте, и в пантомиме. Набирается очень большая труппа, заключается четырехлетний контракт с владельцем театра «Эрмитаж», здание переоборудуется. Все это оплачивает богач Василий Суходольский, предводитель дворянства Боровского уезда, решивший заработать в роли покровителя искусств. Увы, «Свободный театр» просуществовал всего один сезон 1913-1914 годов, ярким метеором пронесшись по небосклону российского искусства. Было поставлено лишь пять спектаклей. Но что за спектакли это были! Вот лишь пара примечательных моментов. Пантомима «Покрывало Пьеретты» стала режиссерским дебютом Александра Таирова, до встречи с Котэ игравшего в антрепризах. А «Сорочинская ярмарка» вызвала восторг знаменитого французского поэта Эмиля Верхарна: «Меня поражает красочность, а вместе с тем простота и жизненность постановки... Режиссеру удалось дать удивительно свободное движение при страшном разнообразии ритмики... Сегодня я счастлив тем, что отдал вечер двум русским гениям». Так Марджанишвили приравнивали к гению Мусоргского.

Но спонсор Суходольский, видя, что затраты большие, а моментальной прибыли нет, отказывается в деньгах. Актеры же объединяются в паевое товарищество во главе с художественным советом. Марджанишвили отказывается входить в этот совет, он хочет руководить единолично... Так умирает «Свободный театр». Без него Котэ не представляет себе Москву и уезжает в Ростов. А на дворе – 1914-й, война с Германией: «Мне становится жалко, что у меня нет денег, нет театра. Сформировал бы я несколько небольших трупп, приготовил бы две-три бодрых хороших пьесы и повез бы их на позиции даром. Вот где театр был бы незаменим». За отсутствием такого театра, он становится... начальником

летучего санитарного отряда и получает Георгиевский крест за то, что под огнем выносил раненых с поля боя. С 1916 года он в Петрограде, после революции – Киев, пост комиссара всех городских театров, первая постановка легендарного спектакля по Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна». Помогая создавать молодежный экспериментальный театр, он открывает для искусства совсем еще юных будущих кинорежиссеров Георгия Козинцева, Сергея Юткевича, сценариста Александра Каплера. «Величайшая ясность отличала его труд... В часы работы он чувствовал себя в вымышленном мире обстоятельств и характеров пьесы, как в реальности. Работая с актерами, художником, композитором, он щедро дарил им то, что переполняло его: тепло южного солнца, яркость цветов радующих глаз, страстность проявления прекрасных чувств мужества, верности, любви», – вспоминал Козинцев. А это – слова Юткевича: «Я счастлив, что мне довелось побыть, хоть и недолгий срок, возле замечательного режиссера в пору расцвета его таланта и наблюдать, как работает он над самыми различными видами сценического представления: трагедией, народной драмой, буффонадой и музыкальным спектаклем. На его опыте понял я, что такое творчество режиссера, постановочный замысел».

Вернувшись в Москву, Котэ работает сразу в трех театрах, реализует свою любовь к оперетте. «Репетиции Марджанова были вдохновенными, – утверждает легенда советской оперетты Георгий Ярон. – ...Все игравшие в его спектакле никогда не забудут, как он замечательно работал с актерами, как он «подкидывал» деталь, жест,

Один из последних снимков К.Марджанишвили

Схиигуменя Фамарь - Тамара Марджанишвили

интонацию». На берегах Невы Марджанишвили открывает Государственный театр комической оперы, вновь собирает талантливую молодежь. Но самая запоминающаяся его работа – грандиозное массовое зрелище в честь II Конгресса Коминтерна. Участников – несколько тысяч, среди них – воинские части и боевые корабли, зрителей – 45 тысяч! И все равно полного удовлетворения нет. О дальнейшем расскажет его жена: «Ему надо сделать еще раз «скачок». Он начинает метаться. Едет в Москву. Возвращается на короткий срок в Петроград. Опять едет в Москву. Ставит несколько опереточных спектаклей и, наконец, приходит к определенному решению – ехать в Грузию, чтобы отдать родине свой опыт, знание и достигший полного расцвета талант».

Теперь слово – великой актрисе Верико Анджапаридзе: «В 1922 году из России на родину возвращается Котэ Марджанишвили. Под его руководством рождается новый театр... Вокруг Марджанишвили стали соби-

раться все те люди, чья творческая мысль и чей талант должны были, объединившись, пойти на самозабвенное служение искусству народа. Такого единства мыслей, чувств, такой спайки актеров разных поколений грузинский театр не знал никогда... На каждый спектакль Марджанишвили шли как на большой праздник... Марджанишвили приехал в Грузию с огромным опытом прошедших лет. Бесконечно дорога ему была русская культура, биография его богата встречами и общением с кругом выдающихся деятелей русского искусства. Он привил нам любовь к русскому театру. Никогда не забуду его вдохновенных рассказов о Станиславском, Немировиче-Данченко, Качалове и всей плеяде великого поколения МХАТ...».

Котэ много и успешно работает на руставелевской и оперной сценах, потом на два года уходит в кинематограф и ставит шесть замечательных фильмов по грузинской классике и по Цвейгу, Войнич, Эренбургу. А в 1928-м – уже в который раз – создание нового театра. Второй Государственный театр (ныне – имени Марджанишвили) поначалу находится в Кутаиси, но через пару лет переезжает в Тбилиси. Гастроли в Харькове и Москве проходят с триумфом. В начале 1930-х Котэ вновь едет в Москву и вскоре пишет оттуда: «Сдаю «Дон Карлос» в Малом, МХАТ возобновляет «У жизни в лапах», в оперетте – «Летучая мышь»... И пора уж мне возвращаться в свой театр, к своим ребятам...». Да, наконец, в Тбилиси у него есть полностью своя труппа, свой театр. Навсегда сохранивший его имя. Наездами он успевает не только поработать со «своими ребятами», но и поставить «На дне» в русском драматическом театре, сегодня носящем имя Грибоедова. Его зовут заведующим художественной частью в Малый и Коршевский театры, постановщиком – в Большой, Детский и Свердловский театры. Но во время работы над «Доном Карлосом» в 1933-м его сердце

останавливается...

И еще о семье Марджанишвили. Столь чтимая Русской Православной Церковью матушка Фамарь, основавшая при поддержке царской семьи Серафимо-Знаменский скит, – сестра режиссера красавица Тамара Марджанишвили, бывшая игуменья Бодбийского монастыря святой равноапостольной Нины в Грузии. В 1931-м ее сажают в тюрьму, а затем ссылают в Сибирь. Котэ хлопочет о ее освобождении, но возвращается она лишь через год после его ухода. И посвящает брату такие строки: «Теперь ты видишь ясным оком,/ Что все земное суета,/ Что небо от земли далеко,/ И в нем иная высота...». За несколько дней до ее кончины от туберкулеза художник Павел Корин успевает закончить портрет «Схиигумения Фамарь», который становится частью знаменитого полотна «Реквием» («Русь уходящая»). А еще один Константин Марджанишвили, сын режиссера – выдающийся математик, академик Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда. Вот такая связь грузинской семьи с российской историей.

И подойдя к старому дому на улице Ингорква, вспомним слова заслуженного артиста России Всеволода Аксенова, работавшего с Котэ над его последней постановкой: «...Если грузины с законной гордостью и теплом произносят слова: «Наш Котэ Марджанишвили», то и мы, русские, с неменьшим правом, благоговением и любовью говорим: «Наш Константин Марджанов». И пусть его светлая, прекрасная жизнь в искусстве будет постоянным примером для наших художников, режиссеров, актеров... ибо Марджанов отдавал всю свою жизнь, все свое сердце любимой работе, горячо любил свою Родину... и обладал таким замечательным сердцем, которое никогда не погаснет в памяти людей, получивших от судьбы драгоценный подарок – возможность жить и работать с Марджановым».

Ломер Ахвеледиани

ОКНО ДУШИ – ОБЪЕКТИВ КИНОКАМЕРЫ

■ Владимир САРИШВИЛИ

Известный оператор Ломер Ахвеледиани делится своими воспоминаниями и тайнами любимого искусства. При этом предупреждает, что с представителями печатной прессы общался редко и очень просит не расцвечивать его фразы, поскольку «красиво говорить не умею, это – дело литераторов». Однако же не ограничивает собеседника в оценках или умозаключениях. «Только чтобы это шло не от меня». Что ж, извольте, батона Ломер.

Запад – предметен, рисует дерево или его образ.
 Восток – мистичен, рисует идею дерева, стараясь постигнуть – как ее видит Всевышний. Восток – ближе к платоновской первичности «идеи предмета». Запад – к римскому восприятию первичности образа вещей.

Кинокамера мастера операторского искусства Ломера Ахвеледиани – смотрит на мир с «восточной» точки зрения.

– Психологи утверждают, что «все коренится в детстве – будущий характер, пристрастия, увлечения, вкусы». А вас любовь к съемкам тоже «подкараулила» в детстве?

– Отец увлекался фотографией. Но я геолог по первому образованию. Хотя уже в зрелом возрасте понял, что не могу устоять против магии кинематографа. Родители упросили своего хорошего знакомого, оператора Тито Калатоцишвили взять меня на работу. Так семь лет я проработал сначала помощником оператора, потом ассистентом, потом вторым оператором. Проходил практику у Тенгиза Абуладзе в фильме «Я, бабушка, Илико и Илларион» по роману Нодара Думбадзе; у Эльдара Шенгелая и Тамаза Мелиава в кинокартине «Белый караван»... Потом был ВГИК и десятилетия творческой деятельности.

Кадры из кинофильма «Кувшин»

– Какова основная «магистраль» взаимоотношений между режиссером и оператором?

– Как правило, режиссер «задает» образ или сцену, а оператор ее визуально «исполняет». Но при этом оператор, я так считаю, должен участвовать в построении режиссерского замысла. Так же, как и художник, и композитор. Хотя и не в столь полномасштабном формате. Потому что в кино главное – изображение. Это тоже мое личное убеждение. Все в кино подчиняется изображению, хотя в то же время, без высокого режиссерского замысла одним глубоким и композиционно продуманным изображением оператор ничего не добьется. Когда же режиссерский и операторский замысел составляют гармоничный тандем, подкрепленный талантливой музыкой и мастерством художника, духовное богатство киноискусства становится необозримым и безмерным. Режиссер – это стержень, опираясь на который творческий коллектив создает произведение киноискусства.

– Фильм «Кувшин» («Квеври») – как бы первая ваша визитная карточка...

– Еще до начала съемок этой не теряющей популярности короткометражки имел место маленький экспромт – инсценировка, в духе ее автора – Резо

Габриадзе. На день рождения он принес мне в подарок сценарий. Вскоре приходит ко мне Ираклий Квирикадзе и говорит: «Знаешь, мне Резо тут сценарий принес»... Пошли к Резо разобраться – что за загадочные подарки одинаковые... Резо пояснил: «Тебе, Ломер, я подарил как оператору, а Ираклию – как режиссеру». И этот фильм стал курсовой работой Ахвледиани и дипломной – Квирикадзе.

Очень помог тогда недавно от нас ушедший, всеми любимый и почитаемый Резо Чхеидзе, бывший тогда директором «Студии дебютных фильмов», он, по сути дела, «запустил» картину.

Натуру снимали в Кахети, нашли местечко. Великолепный актерский коллектив подобрался – Бухути Закариадзе, Генриэтта Лежава, Эроси Манджгаладзе, Гиви Берикашвили, незадачливый Абесалом – Вахтанг Сулаквелидзе.

Снимали поздним летом, солнце палило, работать оператору было невозможно, блики губили отснятый материал. И тогда я включил вместо камеры фантазию. По моему велению установили по периметру 12 телеграфных столбов, притащили и натянули на них брезент, получилось что-то вроде павильона на природе, 12 на 12 метров. Ираклий Квирикадзе, вот обидка! – потерял отснятые рабочие

моменты пошива брезента и вбивания столбов... Очень забавные сценки получились.

Работали на совесть, с репетициями, сейчас такое рассказать молодым – не поверят.

В один из дней хлынул дождь, и наш брезент превратился в плавательный бассейн. Пришлось его разрезать и делать «водопускание». Зашить прорехи забыли, а когда вышло солнце, лучи били, конечно, именно туда, где должны были располагаться артисты для работы над мизансценами. Кинулись зашивать. Потом ездили покупать квеври к одному колоритному кахетинцу. Потом сами лепили наверх для квеври, из которого безуспешно пытается протиснуться Абесалом.

Время шло, а Бухути Закариадзе параллельно снимался у Юрия Озерова в киноэпопее «Освобождение», в роли Сталина. Бухути очень гордился этим приглашением и с наигранной спесью говорил Ираклию Квирикадзе: «Я, генацвале, еду в Кремль играть Сталина, а ты меня здесь со своим сломанным квеври задерживаешь».

– И сегодня в кинематографических кругах и просто среди любителей кино стран бывшего СССР все знают «Квеври» и «Древо желания». А это – лучше всяких наград. Даже несмотря на то, что режиссером у вас нешуточные – народный артист Грузии, лауре-

ат Государственной премии имени Руставели, и даже лауреат Ленинской премии.

Еще я знаю, что вам очень дорога награда «За новшество и новаторское мышление»...

– Во время съемок «Ожерелья для моей любимой» я впервые предложил Тенгизу Абуладзе отказаться от применения искусственного освещения на натуре. Попробовали – получилось удачно. Настолько удачно, что жюри всесоюзного кинофестиваля удостоило меня награды. Это был первый знак профессионального признания и первая радость на творческом поприще.

– **Что потеряло и что выиграло кино с уходом пленки и с приходом цифровых технологий?**

– Нет больше того, что мы называли «handmade», или рукотворной съемкой. Слуга стал господином. Техника, задача которой – обеспечивать творческий процесс, сама стала диктовать условия и указывать режиссеру не КАК снимать, а ЧТО снимать.

Сейчас не надо готовиться к съемке, продумывать эпизоды, чтобы не допустить перерасхода дорогой пленки, поэтому актеры и весь творческий коллектив утратили концентрацию – можно импровизировать по ходу съемочного дня как угодно.

И все же пленочное изображение по сей день невозможно превзойти по объему, прозрачности, дающим гораздо более богатые средства для творчества.

Плюсы современной техники – простота в обращении, дешевизна. Все это обеспечивает более комфортный путь к экрану.

– **Если верить киношникам, с кем мне доводилось участвовать в посиделках, то сейчас можно нарисовать на компьютере все, что раньше приходилось снимать.**

– В принципе, да, сейчас можно по своему желанию подтемнить, подсветить, ноч-

ных съемок не надо дожидаться, хочешь ночь утром снимай, хочешь – день снимай ночью. Хочешь – выстраивай камеру по заданному цвету, автофокус дает богатые возможности. И все же новым веяниям не удалось одержать полную победу. Пленка сохраняет свои достоинства, недоступные цифровым технологиям.

– **Только подумать – какие встречи, с какими яркими личностями угостила вас судьба... Вы не написали книгу воспоминаний?**

– Нет, потому что только в этом году у меня появилось чуть больше свободного времени.

– **Батоно Ломер, а если бы вам сейчас предстояло прочитать мастер-класс для молодых операторов – на чем бы вы остановили внимание прежде всего? Хотя зачем так ставить вопрос, ведь вы ведете курс магистратов на операторском факультете Университета театра и кино...**

– И абитуриентам, и магистратам, стоящим в самом начале профессионального пути, я бы повторил те же слова, что сказал однажды, будучи в приемной комиссии: «Знайте, ребята, вы поступаете на операторский факультет. Не ждите оваций и призов, вся слава в кинематографе достается режиссерам и актерам. И уж если вы сделали свой выбор – имей-

те в виду, что ваша задача – не погоня за славой и достатком, а служение искусству кино.

Вы можете изменить своему призванию, заняться бизнесом, жить на широкую ногу, но при этом всю жизнь будете чувствовать себя ущемленными, потому что мечта ускользнула безвозвратно. Если же вы предпочтете трудную операторскую судьбу, наградой вам будут яркие встречи, интереснейший круг общения, и в старости будет что вспомнить».

Я знал людей, сдававших во ВГИК по 4-5 раз – они просто не могли жить без кино. И, как правило, такое упорство вознаграждалось.

– **Я все пытаюсь выбрать удобный момент, чтобы начать разговор о вашем операторском шедевре – «Древо желаний» – втором фильме знаменитой трилогии Тенгиза Абуладзе – первый «Мольба», а третий – «Покаяние», лента, несомненно, исторического значения.**

Если верен тезис, что «Древо желаний» – самый метафоричный из фильмов Абуладзе, то можно сказать, для Вас это был дар Божий. Я не знаю более поэтичной кинокамеры, чем объектив Ломера Ахвледзиани. Вы создаете калейдоскоп образов, каждый из которых не только «визуальная» персона, но и наделенная деталями – к чему туманить – чеховской силы воздействия. Тонко было подмечено в одной рецензии:

«Древо желаний» – это

Кадры из фильма «Древо желаний»

мозаика. Это очень глобальная, глубокая, почти космогоническая притча. Пожалуй, это самый метафоричный фильм из трилогии Абуладзе. В «Древе желания» метафора приобретает особое значение: она вплетена в структуру и пластику почти каждого кадра, в каждую монтажную склейку, звуковую и цветовую палитру... Именно поэтому этот фильм кажется не то невероятной красоты лоскутным одеялом, не то перламутром с тысячью оттенков, которых не способен уловить никакой глаз, а в особенности человеческий».

Мне трудно судить, я не искусствовед. Но ансамбль: режиссерский, актерский, операторский – получился в этом фильме на славу.

– Недавно я пересмотрел, нет, перерыдал сцену смерти коня в маковом поле и немую сцену смерти внучки в исполнении Сесилии Такашвили...

– Роль бабушки Марадии в исполнении Сесилии Такашвили, и в особенности эта немая сцена, – лучшее, что подарил ее гений мировому кинематографу. Это уже не просто мастерство, это – нечто божественное. Как же передано это состояние – НАЕДИНЕ со своим горем. Недаром, когда раздалась команда «Стоп!», присутствовавший на съемке Отар Мегвинету-хуцеси закричал: «Эс ра внахе!»

(«Что я видел!») – и так несколько раз...

– Ну, раз уж речь зашла о любимых по зову сердца кинематографистах... И Вы, и Ваша супруга, пианистка Нана Авалишвили дружили домами с незабвенной Софиико Чи-аурели... Какой она создала образ полоумной аристократки-юродивой в том же «Древе желания»!..

– Да, ее бродяжка Фуфала – один из замечательнейших женских образов в галерее мирового кинематографа. С Софиико мы работали и в «Переполохе» Ланы Гогоберидзе, где она создала еще один яркий образ – Тамро. У этой актрисы был широчайший диапазон – и она справлялась со всеми «темпераментами».

Софиико была личностью, проявившей себя не только в профессиональном ключе, но и обладала не меньшим талантом человеческого общения. Школьные подруги сопровождали Софиико до последнего дня. Когда она была уже совсем плоха, в парижскую лечебницу ей позвонили друзья. Спросили – чего бы ей хотелось. Софиико сказала: «Пусть сыграет что-нибудь Нана Авалишвили». И Нана сыграла – прямо в телефонную мембрану – любимого Софиико Гершвина...

– Тандем Абуладзе – Ав-вледияни известен и по филь-

му «Ожерелье для моей любимой»...

– Да, Тенгиз и сценарий к нему написал, в жанре любовно-комедийной притчи по мотивам талантливой повести дагестанского писателя Ахмедхана Абу-Бакара.

Тенгиз был не просто режиссер от Бога, его жизненная опытность и мудрость обладали притягательной силой. А еще это был режиссер-интеллектуал, глубоко образованный, фундаментально начитанный человек.

И при этом – на редкость деликатный. Он никогда не звал рабочих сцены, если находился рядом и мог сам передвинуть стул или столик. При этом фамильярничать с Абуладзе или пытаться «перегнуть палку» не рекомендовалось, он так вежливо, но твердо «сажал на место», что это было страшнее всех громов и молний.

«Чужих дел на съемочной площадке не бывает», – любил повторять Тенгиз.

Столь же деликатно он вел себя и во время переездов, помню, на съемках «Древа желания» у нас было два транспортных средства – «камерваген» для аппаратуры и грузовик для съемочной группы. И Тенгиз – а он ведь был главой коллектива – ни разу не сел в кабину грузовика. Он всегда уступал место в кабине женщинам, а сам занимал место в кузове.

Как-то привезли битый кирпич, надо было засыпать съемочный участок. Мы с Тенгизом, без слов поняв друг друга, поднялись и выгрузили «заказ» лопатами.

Тенгиз не «стоял над процессом» – он участвовал в процессе. Как бы говоря: мы делаем общее дело.

– Он был из «громких режиссеров» на съемочной площадке?

– Никогда Тенгиз Абуладзе не повышал голоса. Если он садился и поджимал губы, значит, дело плохо, он крайне сердит на кого-то или на что-то. Но криком ничего никогда не решал.

На съемках фильма «Житие дон Кихота и Санчо»

– **А как вам с Эльдаром Шенгелая работалось?**

– Он – самый легкий в общении из встречавшихся мне режиссеров. У него особый юмор, всегда настроенный на позитив.

На рубеже тысячелетия я работал с другим Эльдаром – Рязановым, снимали «Старые клячи». Отношения установились доверительные, книгу свою он мне подарил с теплой надписью, фильм заслужил добрую славу и собрал обширную зрительскую аудиторию.

Но самые приятные воспоминания оставило у меня знакомство с Людмилой Гурченко. Перед первым съемочным днем я пришел к ней в гримерную, представиться.

«Войдите!». Вхожу. В кресле перед зеркалом сидит усталая женщина. «Здравствуйте, я – оператор». «Ой, очень приятно!». «Рад лично познакомиться». Долг вежливости отдан, возвращаюсь на рабочее место. И вдруг перед камерой появляется молодая, бодрая, ладно скроенная женщина, с великолепно уложенными густыми волосами. Передвигается с грацией газели – я был впечатлен...

Одна из первых профессиональных «стыковок»... Я снимаю панораму – то есть сцену в движении. Объясняю Гурченко – какую позицию ей занять «как только я выйду на эту точку». Она все выполняет безукоризненно, и я с восторгом убеждаюсь – Гурченко действительно профессионал высочайшего полета. Но и она проникается ко мне полным доверием и с тех пор постоянно спрашивает: «Как быть? А здесь как быть?».

– **С вами можно писать не только энциклопедию грузинского кино, но и театра...**

– О двух театральных гениях – Рамазе Чхиквадзе и Роберте Стуруа расскажу пару историй, в которых сам «принимал участие».

Рамаз был подлинным гением театра. Он был из отдельной, крайне малочисленной когорты интеллектуальных, образованных актеров. Его техника была

совершенна. Помню, на гастролях в Мексике я снимал на камеру спектакль «Ричард Третий». Стою в вестибюле после спектакля, жду артистов, приводивших себя в порядок после костюмированного представления. Вдруг выходит Рамаз, прямо со сцены, в гриме еще. Я воочию видел, какой вулкан энергии вырвался из него буквально минуты назад. Сочувственно спрашиваю: «Григорич, как ты, живой?» «Ара ушавс («все нормально»)», – отвечает Рамаз, как ни в чем не бывало, и я застываю с открытым ртом. Я не понимал, как можно после всего этого найти в себе силы не уйти, а уползти со сцены, а тут – «ара ушавс». Более того, он еще «о том, о сем» переговорил с коллегами.

– **Вы снимали знаменитые лондонские гастроли руставелевцев, почти сорокалетней давности...**

– Роберт Стуруа – еще один наш гений, его «золотой характер» здесь роли не играет. Первое, что он сделал в предназначенном для гастролей помещении «Раунд-хауза» – на две трети отгородил круглую «цирковую» сцену театра. Соорудил нечто вроде подковы. Сразу был достигнут эффект концентрации зрительского внимания.

Перед театром поляки устроили демонстрацию – им-то было неведомо, что приехали грузины – самый «несоветский» в СССР народ, никогда бы не согласившийся, будь его воля, на ввод войск ни в Афганистан, ни куда бы то ни было, куда нос совать не следует.

Спонсировал гастроли руставелевцев некий миллионер – забыл его фамилию – книжный магнат, который написал монографию о Брежневле (почему и стало возможным его финансовое участие в гастролях советского театра в буржуазной Англии).

Перед самым началом первого спектакля прошел слух, что в театр террористами подложена бомба. Тогда этот миллионер встал и сказал: «Желающие

могут покинуть зал, им вернут деньги. Лично я не вижу причин для волнений. Я остаюсь». И сел в свое кресло. Ни один человек не ушел. Триумф был полнейший.

– **Нельзя не вспомнить и о вашем более чем полувековом плодотворном сотрудничестве и дружбе с Резо Чхеидзе.**

– «Секретарь райкома» с Темуrom Чхеидзе в главной роли – серьезный фильм, ничего общего не имеющий с штампованным государственным заказом. Эта лента, можно сказать, подготовила почву для реабилитации института частной собственности и фигуры рачительного хозяина – того же «кулака», объявленного красной пропагандой кровососом и моральным уродом.

Но самые восхитительные воспоминания остались у меня от длившихся несколько лет съемок притчево-философской эпопеи «Житие Дон Кихота и Санчо».

Резо Чхеидзе, закоренелый «студиец», кинематографист старой закалки, любил репетировать перед дублями. Кахи Кавсадзе (Дон Кихот) ничего не имел против, а рано ушедший от нас Мамука Кикалеишвили (Санчо) все подтрунивал: «Вы антиквариат, вы, может, Ленина видели, поэтому с трудом запоминаете тексты, а я молодой, мгновенно все фиксирую, мне то зачем репетиции?».

На что Кахи обычно разражался тирадой: «Ну-ка, марш ко мне, мальчишка, в лесу вырос? Я тебя сейчас поучу уму-разуму!».

Самым ярким примером стала съемка на центральной улице Мадрида, (ведь в этой своей киноэпопее Резо Чхеидзе смещал временные пласты, переносил действие из средневековой Испании в современность, и т.д.).

Продюсер был категорически против городских съемок – он опасался жалоб от населения на создаваемые неудобства и крупных штрафов. Но Резо Чхе-

Верико Анджапаридзе и Ломер Ахвледiani

идзе – не из тех, кто покорно следует воле «вышестоящих инстанций». Он взял и на свой страх и риск вывел творческую группу на ночные съемки. Лошадь и осла загнали в выбранный мной и Резо переулок, обозначили место с наилучшим освещением, я установил камеру, прозвучала команда «Мотор!» – и без всяких печатей-разрешений на мостовую, полную автомобилей, выехали Кахи с Мамукой, вызвав бурный прилив энергии прохожих, водителей и пассажиров. Сигналили клаксоны, мадридцы не скрывали восторга, что стали участниками этой сцены, в общем – полный триумф «непослушания».

– **А жалобы последовали?**

– Жалоб не было, продюсер тоже был доволен, что обошлось без его участия, и все так удачно завершилось.

– **«Квеври» можно назвать вашей «первой любовью». Были вершины. О «Древе желания» – мы уже говорили. А какой фильм дороже всего сердцу?**

– «Бесаме» – снятый моей дочерью Нино Ахвледiani по рассказу Гурама Дочанашвили «Ватер(по)ло». Фильм удался по всем параметрам – иначе бы не был удостоен стольких международных наград. Горько лишь оттого, что этой ленте не повезло с прокатом – когда фильм вышел на экраны, на дворе стояли 1990-е – голод, холод, пустые кинотеатры. Но ансамбль получился в этом фильме на славу – режиссура, кинокамера, актерское мастерство Кахи Кавсадзе и Гоги Харабадзе, молодые таланты раскрылись...

Еще один такой случай удивительного человеческого и творческого единства был у нас на съемках картины Владимира Наумова «Белый праздник», по повести Тонино Гуэррра, который и соавтором сценария выступил. Наташа Белохвостикова – Армен Джигарханян – Иннокентий Смоктуновский, вся творческая группа – как одна семья. Это была последняя роль неповторимого Иннокентия Смоктуновского. Мы закончили картину – и его не стало. Роль его символична – Смоктуновский играет одиночество человека, не вписавшегося в окружающую его реальность. А снималась лента в середине 90-х...

– **Фильм недооценен – утверждаю как любитель не поверхностного кино.**

– Мне особенно дорога последняя сцена – когда в сожженной и разоренной квартире герой Смоктуновского развешивает на веревке свои фотографии – как летопись прожитой жизни. Потом он садится на стул, роняет зонт – и умирает. Так вот, оптимальную с точки зрения художественности – точку падения зонта никак не могли найти. Тогда я рискнул предложить свою версию.

– **Пусть никто не думает, что это мелочи. По-моему, и конфигурация, и траектория падения впечатляют в полной мере...**

– Наумов говорит: «Кеша, вот Ломер предлагает вариант». Смоктуновский оживился: «Давайте попробуем». Когда прозвучала команда: «Снято!» – Смоктуновский на весь павильон провозгласил: «Спасибо, Ломер!». Я был изумлен.

– **Почему?**

– Потому что редко когда звезда мирового экрана переступает через амбиции и благодарит за предложенное решение. Смоктуновский показал себя великим артистом и замечательным, скромным человеком.

– **Есть ли у вас какие-то профессиональные пристрастия?**

– Я по призванию и по выбору – оператор художественных картин, но снял и несколько документальных лент, которые очень люблю.

И еще – меня никогда не притягивали жесткие, сценарии с бесчеловечными сценами пыток, убийств и насилия.

– **Часто ли вам удавалось выписать характер героя с помощью камеры?**

– Это зависело от поставленной режиссером задачи. Есть средства для передачи мягкости, бурного темперамента – светотени, краски. Но изображение никогда не получится вдохновенным и достоверным, если оно тщательно не продумано и лишено духовной основы.

И – обязательно надо любить своего героя, только так можно «вдохнуть в него жизнь». С любовью приходит иное, более глубокое видение образа.

Но подлинная гармония возможна только в сочетании с работой единомышленников – режиссера, оператора, композитора, художника. И, конечно же, актеров.

Объектив Ломера Ахвледiani уводит вдумчивого зрителя из некогда ясного мира в красочно расцвеченный лабиринт. В этом богатом «архитектурными» деталями сооружении переплетаются «коридоры»: мифологические, литературные, религиозные, философские. Говорить об этом можно бесконечно, но можно ли об этом рассказать? Нет, все это надо увидеть своими глазами: «вторгнуться» в изобразительный мир кинокамеры Ломера Ахвледiani, в микрокосм его символов и образов...

Сигнахи

«КАВКАЗ ПОЧЕМУ»

(немного очерк, немножко диашоу, претендующие на роль, которая обычно отводится эссе; 2 эскиза)

■ Керим ВОЛКОВЫСКИЙ

Я очень люблю Грузию, бесконечно привязан к этой стране,
но духовно Армения мне ближе – поди разберись; запутанная выходит история
(Из высказываний одного офицера)

Колючий взгляд царапает пространство,
А время измеряется шагами:
Армения – умытая слезами,
И Грузия – пленительное чванство.

Керим Волковыский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: КАВКАЗ ПОЧЕМУ

Как гроза молниями – мы живем в юности
вспышками чувств.

Удивление, влюбленность, восторг, чистота (помыслов?) сменяются растерянностью, болью, отчаяньем; иногда дело доходит до ненависти...

От раскатов грома закладывает уши, слов не слышно; взмахивая руками, женщина бежит к веревке снимать белье: вот-вот разрядится дождь.

В дом стучится беда; оползнем лезет горе, слезы застыли глаза, трудно дышать.

Идет долгая мучительная погоня, к горлу подступает сиротство, плачут дети. Кто догоняет кого?

Развалившийся монастырь в горах, подъем нескончаем: по узкой тропинке растекается многозвучная тишина.

Временной провал.

Робкая поступь надежды и опять светлое небо – любовь; уже на всю оставшуюся жизнь (думается; хочется так думать); красные маки на весеннем поле.

На лице женщины написано облегчение: *успела!*

Но куда как страшна безголосая тишина в старости: низкое небо, безразличие, нежелание что-либо делать. Слово «любопытство» исчезает из лексикона; на место предполагаемой мудрости заступают немочь, недовольство, тяжелая болезнь... смерть.

***

Что это? Своеобразное начало очерка о путешествии на Кавказ? Запоздалое признание в люб-

Керим Волковыский

ви? Грузия и Армения. Армения и Грузия. Военно-Грузинская дорога. Крепость Ананури, запруженная туристами из Кутаиси. Зеленая вода водохранилища. По берегам лес. Снимки сделаны раньше, чем началось путешествие. На полчаса открывается Казбек, и опять мрачно уходит за тучи. Смеющаяся иностранка учится есть хинкали руками. Город Мцхета и река Кура под проливным дождем. Дикий град. Нет, не та последовательность. Смена декораций. Пышная лепость Эчмиадзина и скальная аскеза Герата. Что за дурацкая музыка идет фоном. *Не нравится? Можно заменить, ради бога. Хочешь запустим «Крунк» в исполнении Лусине Закарян? Но только не на фоне грузинских снимков.* Выступление девочек-малюток из местной академии в Гарни – Международный день детей. Почему-то на снимок попадает сдержанно взволнованный учитель танцев. Араратская долина. Хор-Вирап. Все перемешалось: ущелья, Нораванкский монастырь; группа каких-то людей напряженно дегустирует вино в Арени, да нет это уже в регионе Вайоц Дзор (ох, уж мне эти щелкающие

птичьи имена), старейшее вино в мире, а потом мы посещаем пещеру, в которой это вино нашли (старейшее?!) Ласточки. Боже мой, сколько ласточек – видите? Смотрите внимательно. Еще один перевал. Какой – неважно: местность и название определяются компьютерной программой; не беспокойтесь, очень удобно: ничего не нужно ни запоминать, ни знать, ни записывать; совсем, как в доме для престарелых. Ветер продувает плоскогорье, и в воздухе висит вопрос: *а будет ли (и) сегодня виден Арарат?* Опять проехали. Открывается следующая страница лихо нащелканных на ай-фоне снимков. Перехватывает дыхание. С каждым поворотом головы открывается новый ракурс неприступного Татевского монастыря. Красота! Сколько их всего, монастырей? Сто? Двести? Подумать только. Неподалеку Иранская граница. Ого-го-го! Эта канатная дорога – самая длинная в мире (гордятся гелветы, ее проложившие) Взгляд (или мысль?) отмахивает за пару минут четверть Шелкового пути, недурно! Кое-как восстановленный храм Метехи над скалой, стоячая Кура, болото, увеселительный парк Мтацминда, и повсюду рушащиеся, цепляющиеся за воздух, сопротивляющиеся смерти дома старого Тбилиси. Даже не заметил, что мы переехали границу. *Во второй раз.* Ах, какой симпатичный город. Это не я. Забудь, нет надежды. Арарат сегодня не виден и точка. Неполноценным отражением его смотрится Арагац. Каждая фотка привязана ниточкой к воздушному шару воспоминания. К определенному месту твоего пре-бывания. Запах и цвет. Последовательность в чередовании снимков не важна. А люди, они как, важны? А место? Далеко внизу остается невидимая река. Кольцевая дорога вьется в пыли. Медленный неохотный спуск, приближается конец поездки, через десять минут мы в Ереване, а я никак не могу остановиться – судорожно продолжаю нанизывать бусы с детства знакомых имен, лихорадочно скреплять скобами се-

мантических знаков пробежавшее передо мною полстолетия. Думать запрещено. Говорить не следует. Феерический диктат чувств и воспоминаний. Техника за гранью фантастики. Зачем все это?

Что зачем? Своеобразное начало очерка о путешествии на Кавказ. Запоздалое признание в любви. А может, ты попросту снова подбираешься к пересказу *временно запрещенного* параджановского фильма «Цвет граната»? В заглавной роли Софико Чиаурели. Он и Она. Актриса умерла не так давно. Параджанов тоже умер, причем будучи на свободе(?); по сегодняшним меркам умер давно. Сбившиеся в кучу овцы мечутся по запущенному храму. Построенный для туристов общественный туалет не работает – переполнен. Поэт Саят Нова был убит в Тбилиси, неподалеку от армянской церкви. Дом-музей Параджанова торчит в Ереване над котлованом, как вырванный с мясом зуб. Неуместный музей. Параджанов принадлежит Тбилиси, он в Ереване не жил. Понимаете, не жил. Ни-и-когда. *А что? Лучше музей никакой, че? Лучше Майдан в Ереване, ха? Они там в Вашем Тбилиси, что? У них пусть будет Кура, вот!*

Ночной Тбилиси

О Майдане скажи Путину, я здесь ни при чем, о Куре – чуть позже. Река, кстати, называется не Кура – Мтквари. Армения и Грузия. Грузия и Армения. Июнь. А что же Россия? В Тбилиси – страшное наводнение, Ереван задыхается от сухой жары. Нечем дышать. «А Вы знали, что первыми *иностранными* спасателями в Спитаке после землетрясения 1988 года были, поднявшиеся из долины грузины», – спросил у меня, сам находившийся в числе спасателей Андрей Чесноков, русский армянин или армянский россиянин. Честь ему и хвала.

***

На камне камня не оставит
встряска.
Земле опасна с Богом
переписка.
Пусть ласточки растаскивают
списки:
Погибших имена не подлежат
огласке.

***

На дворе моего рассказа все еще стоит беспечный и бесконечно далекий одна тысяча девятьсот семьдесят четвертый или пятый год и продолжается заседание нашего замечательного киноклуба «Калейдоскоп». Мы смотрим, в который раз, грузинский фильм «Жил певчий дрозд», а потом вместе с режиссером идем купаться на черноголовское озеро. В моем тексте июнь (как всегда у тебя: май или июнь). Озеро обступает светлый, еще не совсем распростившийся с весной лес. На воду спускают надувной матрац. Отар ложится на него, отталкивается от илистого берега ногой и поднимая к небу указательный палец, размышляет вслух. О чем он? (А о комарах, ты забыл?)

Я подхожу к ним поближе. Собираюсь с духом. Мне надо сказать Юре, что наша общая подруга Земфира умерла. Как я ему об этом скажу. Не знаю, не знаю и не знаю. Погоди, ведь твой друг Юра, сам, вот уже поч-

Мцхета

ти двадцать лет тому, как умер. Кому ты собираешь сказать и что? Ну и пускай умер, я *должен* ему все рассказать. Рассказать о том, как мы едем по Германии и нас словно бабочку сачком накрывает сообщение: «Мужайся, Керим. Сегодня ночью Земфира умерла». О том, как еще вчера я разговаривал с Земфирой по телефону, обсуждая предстоящую встречу, после тридцати лет *невидения* встречу, оспаривая с ней воистину лукулловское меню обнимающего это наше свидание обеда, и как она при этом, смеясь своим глубоким грудным смехом, пересказывала мне в очередной раз что-то незатейливое о своей рассеянной соседке. Должен рассказать другу Юре о пыхтящем от перегрузки ночном самолете Вена-Ереван: со всех сторон давка, баулы, детский плач, полная пожилая армянка, почему-то без палки, сбившиеся на лоб мокрые от пота волосы, и со всех сторон при посадке на тебя (сквозь тебя) смотрят – не видят большущие молчаливые глаза; глаза, в которых застыла вековая трагедия. 1915-2015 год. Сто лет. Навсегда застыла. В разной форме и формочках. Пропустить день Земфириных похорон? Как

ты только мог такое подумать – холодок по спине: послушай, ты что знал, что она умрет?

***

И хотя только конец мая, наступающим, медленно разворачивающимся днем, нашим первым днем на армянской земле – с утра овладевает жара. О, конечно это пока еще не та, настоящая, сухая, пекущая как лаваш в тандыре ереванская жара, но когда мы с приехавшими за мной друзьями пересекаем весь город, пробираясь на машине к кладбищенским холмам я все более ощущаю ее всем своим, не оправившимся от ночного перелета, затекшим телом. Послушайте, а может я тоже умер, и только по какой-то непонятной инерции продолжаю повторять: Е-реван, Е-ребуни, Е-рзерум, Земфира не верна. Причем здесь Эрзерум?

– А в Эрзеруме есть действующие армянские церкви? – спрашиваю я у моего гида Мустафы.

– Зачем? – удивляется любезный двуязычный турок из Нюрнберга, – Здесь же нет армян. Вот если бы были, тогда другое дело.

Или это память моя, как Крунк бьется крыльями об окна,

о колеса, о крышу автомобиля, не находя выхода, пока не вырывается в простор неба, обретая, наконец, свою, ни с чем не сравнимую, мелодию. Мелодию стона. Армянский реквием в камне... Хачкар. Ну ты даешь. А что, Комитас и вправду жил в Турции?

***

Скобою букв закреплены столетья.
Все потерявший враз – не знает страха.
Мы умираем. Восстают из праха Хачкаров молчаливые соцветья.

***

А скажи, все-таки, почему ты так *без-умно* любишь Тбилиси? Ты давно там... (не) был?

***

В первый раз я был в Тбилиси в шестьдесят пятом году прошлого века, пятьдесят лет прошло. Страшно подумать. Папа подарил мне тогда двухнедельную турпутевку по Грузии и Армении. Если разобраться, это была моя первая самостоятельная поездка без родителей. Даже не помню, откуда я тогда летел в Тбилиси. Из Ташкента? Из Перми? Скорее всего из Ташкента, где мы к тому времени уже жили, но оставим для стройности изложения – Пермь: скованный застенчивый подросток, чем-то напоминающий от-

росток белой спаржи в очках, в первый раз летит один на Кавказ с Урала. Чувственный юг и мрачный заскорузлый север. Представляешь Тбилиси, после Перми – каков эмоциональный шок. Да и что я тогда о себе знал? (Все знал, но не умел выразить – *прим. автора*). А в последний раз... Уфф... Когда это было? В 75-ом? В 78-ом? Зимой? Честно говоря, не помню, помню только, что написал тогда «кривые стихи» и уже больше их не исправлял.

***

I.
Я выпросил у Пиросмани Цветастой клеенки кусок И в темном Тифлисском духане Себе отыскал уголок.

Выкушал мисочку хаши,
Выбил о стол чубук.
И осмотрелся внимательно:
А кто тут сидит вокруг.

«Давненько же здесь я не был – Лет сорок, а то пятьдесят;
Но не изменился хозяин,
И те же картинки висят

На стенах». Пленным барсом
За дверью стонет Кура.
И тихим простуженным басом
Мне говорит тамада:

«Откуда ты, *генацвале*?
Что привело тебя к нам?

Керим Волковський с друзьями

Всю ночь мы свадьбу играли,
И скоро пойдем по домам.

Давай я тебе нарисую
На клеенке город и мост,
Память твою освежу я
Пока ты тут куришь и пьешь.

Через Куру, направо,
В гору дорога идет;
Видишь, по ней биндюжник
Мерани на бойню ведет.

Ты мимо них, до Бетлеми
По лестнице поднимись
И там за Тбилиси *чеми*,
И за меня помолись.»

Мадлобт, – сказал я и вышел,
– Не надо! По хмурой заре:
Горят кирпичные крыши,
И неба кусочек в огне.

Небо, Мтацминды не выше.
Нахохлился зимний Тифлис.
Сосулька висит под крышей,
И холод МНЕ в душу проник.

II.
Напрашивается сравненье,
там внизу, у реки:
таинственное движенье;
«У страха глаза велики.»

Там спешивается всадник,
И в землю вошел пешеход
По грудь. Кто коня осадит,
Кто нас от смерти спасет.

Кто разгадает загадку
Высокой царицы Тамар,
Пока не пришли за нами,
Чтоб в море гасить пожар.

Иначе: кто нам доставит –
Яблоки Гесперид;
Несбыточное ославит,
Свершившееся благословит.

....
Слепой! прохожу их следом:
Кривляка. Страшилка. Вий.
А ну, поднимите мне Веки:
Я Имя свое забыл...

***

Хорошо, а Ереван ты тоже (так) любишь?

***

Наверное, да. Или нет. Люблю, но совсем по-другому, скорее разумом что ли, не знаю почему, но так кажется. Вообще-

то Ереван живет в моей памяти
дольше – 1962 год. Холодный,
дующий изо всех щелей октябрь,
черная уральская слякоть. Все
меньше света и абсолютно ника-
кой надежды на лето. Разве что
на свет есть надежда – от снега.
Папа возвращается из команди-
ровки в Ереван. Возвращается
с корзиной фруктов, в которых
преобладает доселе невидан-
ный (*доселе не-едомый*) нами
невероятно сладкий виноград.
Ночью мы сидим вдвоем в тес-
ной ванной комнате; отец прояв-
ляет снимки, а я затаив дыхание
наблюдаю. (*Не с тех ли пор я
больше полюбил наблюдать за
процессом, нежели в нем уча-
ствовать*). Откуда на этих сним-
ках столько солнца, света, столь-
ко невеселой радости, смеха и
любви? А гора? Это гора назы-
вается Арарат. «На горе Арарат
растет сладкий виноград», – го-
ворит отец и заразительно сме-
ется, и тут же перебивает себя,
«тише, маму разбудим». Кстати,
с тех пор я раз и навсегда узнал,
что Арарат – в Армении. Также
навсегда я возненавидел тогда
Советскую власть, и не только за
Арарат, отданный туркам, но это
уже другая история.

***

Как собственное отраженье
Арарат
На старом снимке. Черно-белый
глянец.
На смотровой площадке ино-
странец
В бинокль вцепился, обостряя
взгляд.
Нам память предлагает
напрокат:
Аул, ущелье, старый школьный
ранец
В пыли дорожной. Солнце
зренье ранит
Все вперемешку. Далее –
подряд.
Так в детстве, где глазами
говорят
Где дом – ковчег, а горе
не достанет
Где сон глубок – на цыпочки
не встанет
И мамин поцелуй как виноград.
Задумчив неба перистый наряд.

Дым из трубы, дудук, и женский
танец.
Обильный ужин. Местный
померанец
Блюдет застолія кавказского
обряд.

А утром в путь. Камней
угрюмых ряд.
Где глаз геолога видит туф и
сланец,
Меня тоской, как лезвием,
достанет,
И лишь одно спасенье – (*виден*)
Арарат.

***

Вставка-резюме 1: Стоп!
Пробуем разобраться. По всей
видимости, автор этого до-
вольно беспорядочного очерка,
или, если угодно, эссе, житель
Швейцарской конфедерации,
неплохо сохранившийся пожи-
лой бездельник с тридцатилет-
ним стажем жизни в Европе с
неистребимым (*невзирая на де-
кларированную нелюбовь*) совет-
ским багажом и столь же неист-
ребимым российским акцентом
(акцентом, которым, он усердно
подчеркивает свою разноязыч-
ную речь) отправляется вместе
со своим гелльвейцким другом
и *longtime companion* в давно
здуманную и тщательно подго-
товленную поездку по Кавказу.
Цель поездки проверить вос-
поминания (как будто это воз-
можно?), нащелкать фоток, а за-
одно познакомиться своего друга
с местностью и людьми, поде-
литься с ним своею юношеской
любовью к Кавказу. Ровно пять-
десять лет назад он, автор, тогда
робкий провинциальный под-
росток из уральской глубинки,
мальчик а la Нуриев, совершил
аналогичную поездку – первое
самостоятельное путешествие в
своей жизни. Естественно, что
такое не забывается. Позже, в
семидесятые годы прошлого
столетия, уже сильно заматерев
и пройдя курсы столичного Уни-
верситета, живя под Москвой,
он по-прежнему интересуется
тем, что происходит на Кавказе
и продолжает усердно посещать
обе республики, не ограничива-
ясь Сухуми, Пицундой и пятиз-
вездочным коньяком (*пожалуй-
ста, без пошлостей!*).

Хачкар

***

Извини, что я тебя прерываю,
но что значит это ничего не гово-
рящее: «интересоваться», «по-
сещать»? Можно подумать, что
Грузия и Армения не присутство-
вали в сознании каждого, ну поч-
ти каждого, тогдашнего совет-
ского человека, как нечто свое,
неотъемлемое, почти самое-са-
мое что ни на есть русское; их
любили и поругивали (зачастую
крепенько), но в основном лю-
били: и за присущее их народам
элегантную задумчивую лег-
кость (грузины), и за печальную
мягкую мудрость (армяне), и
за их вино, и за их коньяк, и за
их умение вести застолье, за их
непритязательное и одновре-
менно невероятно симпатичное
искусство, за их анекдоты, за пе-
вучее **че** и легкое ироническое
ха, за небрежное **моди бичо**,
и за... ах, за ... но за ..., сами
расставляйте буквы по словам,
как хотите, но главное за то, что
они всегда были рядом, так ска-
зать, *всегда под рукой*, если что
надо... – Успокойся, **генацвале**,
а то ты в процессе писания ри-
скуешь стать заикой. – Хорошо,
хорошо! Я уже начал глубоко
дышать и делать круговые дви-

Выступление детского ансамбля в Гарни

жения руками. Только все-таки добавлю, что в те незапамятные времена, для среднеарифметического москвича с каким-нибудь высшим образованием, Печора и Вологда были, пожалуй, большей экзотикой, нежели свой, подогнанный под домашние нужды, послушный Кавказ. Ты правильно заметил – всегда под рукой. До поры до времени. Двухединое кольцо в котором переплелись серебряная и золотая змейки, впилось в разбухший с годами морщинистый палец – не снимешь. Отрубить. Что отрубить? Палец. Чеченская война. Одна, вторая,.. угомонись, третьей пока не было. Не было? Бросила, сгоряча, не оглядываясь, свой гребень Василиса прекрасная, а тот и встал грозным не лесом – пожаром полыхнуло; долгим ох и долгим стал с той поры путь от Москвы до Кавказа. Армения и Грузия. Размыло выбоинами, пуста Военно-Грузинская дорога. Кто виноват? Пушкин! А ведь казалось, что навсегда, что насовсем, что «СВОЕ»... Сопли подотри, му...а. Вот тебе и «ночевала тучка золотая». Нет, ты лучше Васю Аксенова почитай, как он тогда чеченцам отпор дал, как по ним хорошо проехался. Я имя это с тех пор слышать не могу. – Ну и не слушай! А потом Василий Аксенов умер.

Вставка-резюме 2: Много лет спустя, в две тысячи втором или третьем году, будучи к тому времени уже полноправным европейцем, наш, никак не желающий успокаиваться, автор, снова отправляется на Кавказ, точнее в Закавказье. Он предпримет в одиночку удивительное почти тысячекилометровое путешествие по великой Армении, точнее по восточной ее части, ныне расположенной в Турции. Эта поездка начнется в Трабзоне (или как раньше говорили – Трапезунд: древние, греки, Митридат, Черное море) и заканчивается неподалеку от озера Ван. Этапы этой поездки примечательны: граничащий с Грузией Ла-

зистан с его чайными плантациями, скальный монастырь Панагия Сумела, русско-армянский город Карс и столь дорогой нам уже одним своим именем Эрзерум; наш путешественник посетит развалины древней столицы Армении – Ани, почти заберется на Арарат, а ночами, стоя на турецко-армянской границе будет напряженно всматриваться в мерцающие огни столь близкого сколь и недоступного далекого Еревана. Оставим описание этих мест интернетовским вкладкам, соревнующимися между собой в бойкой жизнеутверждающей безграмотности, отметив лишь, что, если знакомство с доселе незнакомой народностью лазов, купание в Понте в густонаселенном районе Трабзона (ранее Трапезунда), и пеший подъем к монастырю Сумела,

можно было охарактеризовать как некое зеркальное отображение подобных туристических развлечений в приграничной Грузии, то начиная с Карса, с гулкого и пустого проезда по Качкарским горам к Эрзеруму, после посещения Арарата и Ани путешествующий вдруг с ужасающей силой начинает осознавать, что вряд ли на земле есть еще место, где близость к детству человечества ощущается столь непосредственно, где прошлые цивилизации делятся с соглядатаями запросто как своим величием так и своим падением, и где, наконец, почти невозможно дышать – от подступающей к горлу разыгравшейся здесь всего лишь каких-то сто лет назад **кровной армянской (твоей личной) трагедии, твоего личного геноцида.**

***

Прервемся, вернувшись в 2015 год. Место путешествия и на этот раз Закавказье: Армения (не Великая, а просто советская, ну та ее часть, что Советы совместно с турками оставили от Великой) и пост-саакашвилиевская (да простят пуристы мне этот зубодробильный неологизм) Грузия. Время поездки – май-июнь 2015 года. Официальные торжества, связанные со столетием армянского геноцида уже в прошлом, ужасное наводнение в Тифлисе еще в будущем: ни медведи, ни тигры-альбиносы по улицам грузинской столицы пока не бегают.

Напомним, что на первых страницах данного эссе, уже промелькнуло в полном соответствии с fuzzy логикой компьютерного диашоу, пунктирное описание этой поездки совершаемой четверью иностранцами, один из которых наш автор (повторяться вряд ли имеет смысл, учитывая как наличие в каждом доме Интернета так и того факта, что в конце мы приводим, tel-quel программу поездки составленную туркомпанией на русско-ар-

мянском языке). Там же была упомянута (может и вправду, излишне эмоционально а оттого сбивчиво) одна из немаловажных целей поездки, а именно посещение в Ереване старинной приятельницы нашего автора (у кого из советских русских не было, закадычных, на-всю-жизнь армянских друзей), с которой он не виделся более 30 лет, то есть с того дня, как он покинул СССР, но все это время продолжал переписываться и состоял в телефонном контакте. Этой приятельнице, которую друзья звали Земфира, а родственники почему-то Эльзой, буквально на днях исполнилось 80, а так как Другу автора (назовем его условно, Макс) тоже сравнительно недавно стукнуло 70, то... «Вот и отпразднуем сообща наши 150 лет, а заодно и восстановим традицию воскресных Земфириных обедов, помнишь, в Черноголовке?» Как не помнить. Увы! Запланированному обеду не суждено состояться. За четыре дня до приезда гостей у Земфиры происходит инфаркт, а через два дня она умирает, после небольшой передышки: «Уф-ф! кажется, выкарабкалась». Встреча автора и Земфиры переносится в церковь при кладбище: Керим (так зовут автора) успевает на отпевание своей подруги; затем: похороны, поминки, начало темной летней жары. Горечь от невозможной потери придет позже. Что до Арарата, то в первые дни своего пребывания в Армении наши туристы его практически не видят, но им, честно говоря, и не до него. Многие из задуманного приходится отменить, поменять, подправить; какое-то время уходит на сглаживание возникших на бытовой почве конфликтов. В комфортную, безупречно оформленную поездку вышеупомянутых четырех европейцев (в машине, кроме вышеупомянутых двух швейцарских буршей, присутствует немолодая супружеская пара из Германии – их друзья) с дорогими обедами, хорошими отелями и профессиональным гидом, начинают врываться не то неуместные воспоминания, не то набеги из других времен, стран и континентов и даже лифт в заново отгроханной ереванской гостинице с заманчивым названием *Paris* поначалу взбрыкивает и отказывается везти пассажиров в заданном направлении: пожалуйста, пользуйтесь на здоровье, но ехать можете только в одном направлении – вниз.

Излишне уточнять, что на второй или третий день неполадки были устранены (а как же иначе) к вящему удовольствию непривыкших к неприятностям гостям, и напротив, далеко не излишней показалось нам упоминание следующего «небольшого приключения», случившегося с группой где-то ближе к концу... или это все-таки было в начале поездки – поди теперь разберись.

Под вечер, когда натрудившийся за день «мерсик», ловко увиливая от пятидесятиметровых иранских грузовиков, катил себе спокойно по направлению к пещерному городу Горис, его неожиданно для этой высокогорной пустынной местности остановил молодой хорошо выбритый и чисто одетый пешеход, с небольшим рюкзачком:

«Не подбросите до развилки, ведущей к Татевскому монастырю?», – спросил он по-русски у шофера. Вопрос был переведен на немецкий, ответ пассажиров прозвучал положительно, и уже усаживаясь в машину, незнакомец произнес на безупречном немецком языке. Тут же выяснилось, что молодой человек по имени Афанасий (Никитин?) странствует уже гораздо дольше, нежели указанные им девять месяцев. Три или четыре года тому назад, сразу после окончания школы он отправился пешком из родного Хабаровска в Германию, где в северном городе Билифелд усердно изучал программирование и немецкий, откладывая при этом небольшую сумму на следующий этап странствий. Решив в какой-то момент, что его сбережений достаточно, и попрощавшись сердечно со своими новыми друзьями, юноша покидает Германию, держа в этот раз курс напрямик на Индию. Путь предполагает быть пешим, разумеется.

Признайтесь, что описанный случай симпатичен, в чем-то даже забавен, и мог бы также легко быть стерт из памяти, как и был занесен в нее, если бы не... если бы не что? Если бы не сладкий вирус удивительного доброжелательства и доверия, который непонятно каким образом удалось пробудить (пробуждать!) этому парнишке в столь различных людях. Искать ли этому объяснения в подкупающей прямоте и открытости его характера, в готовности отвечать на любые вопросы, не теряя при этом собственного достоинства, в его, *last but not least* ухоженном внешнем виде (особенно поразительно смотрелись его чисто выбритое неглупое личико и непонятно каким образом до блеска начищенные штиблеты)? Нет, не в этом суть. А в чем? Сдаюсь. Не знаю. Но когда, примерно через час, на развилке с дорогой, ведущей к Татевскому монастырю, Афанасий выйдет из машины, весело попрощавшись со всеми и, забросив за спину свой рюкзачок, стремительно зашагает прочь, вдаль, в смутный фиолетовый вечер, каждый из путешествующих вздохнет и подумает о чем-то о своем, сокровенном.

Последняя фраза своей кондовой пошлостью напоминает плохо осовеченного Горького. Зато, как хорошо скажет армянский шофер, ловко увиливая на своем мерсике от очередного грузовика: «Э, точно у него была армянская бабушка, уверен даже». – Все хорошее, по Мартину с обязательностью евклидовой аксиомы должно неминуемо вести родословную от армянских корней.

После перевода высказывания шофера на немецкий пассажиры в машине облегченно рассмеются, словно они сами только что совершили нечто из ряда вон выходящее; наш автор – тоже, хотя и не рассмеется, но задумается.

***

– Скажите, а Вы верите в жизнь после смерти? Не в Вашу конкретную жизнь, а вообще так – в то, что жизнь на земле будет продолжаться?

– Да! Конечно, верю!

Окончание следует.

М.Мещеряков и И.Курчатов

Институт физики высоких энергий ТГУ

«ЗУБР» АТОМНОГО ПРОЕКТА

К 35-летию юбилею Института физики высоких энергий Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили

■ Омар ШУДРА

Утро 29 августа 1949 года. Пустыня у г.Семипалатинска(Казахская ССР). Только что произвели первое испытание советской атомной бомбы. Все руководители «Атомного проекта» обмениваются поздравлениями. Л.П. Берия на радостях даже всех перецеловал. К бункеру наблюдателей на большой скорости подъезжает «Победа». Выходит обычно всегда общительный, но на этот раз чем-то недовольный, уставший И.Курчатов, и, не здороваясь ни с кем, на совещание приглашает... только М.Г. Мещерякова, или как он называл (на французский лад) своего любимого бывшего аспиранта – Мишеля.

В тот момент от Мещерякова зависело многое – ведь он был единственным советским ученым, который по приглашению США в 1946 году наблюдал взрыв американской атомной бомбы (севернее Австралии, Маршалловы острова). Теперь в его обязанность входило сравнение «атомных грибов». Если, по мнению Мишеля, мощность взрыва оказалась бы меньше американской, это было бы расценено (учитывая огромные расходы), как обман Берия и самого Сталина, со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями. Но... обошлось.

В том же 1949 году прибыли строители ускорителя (будущая Дубна, Московская область), и

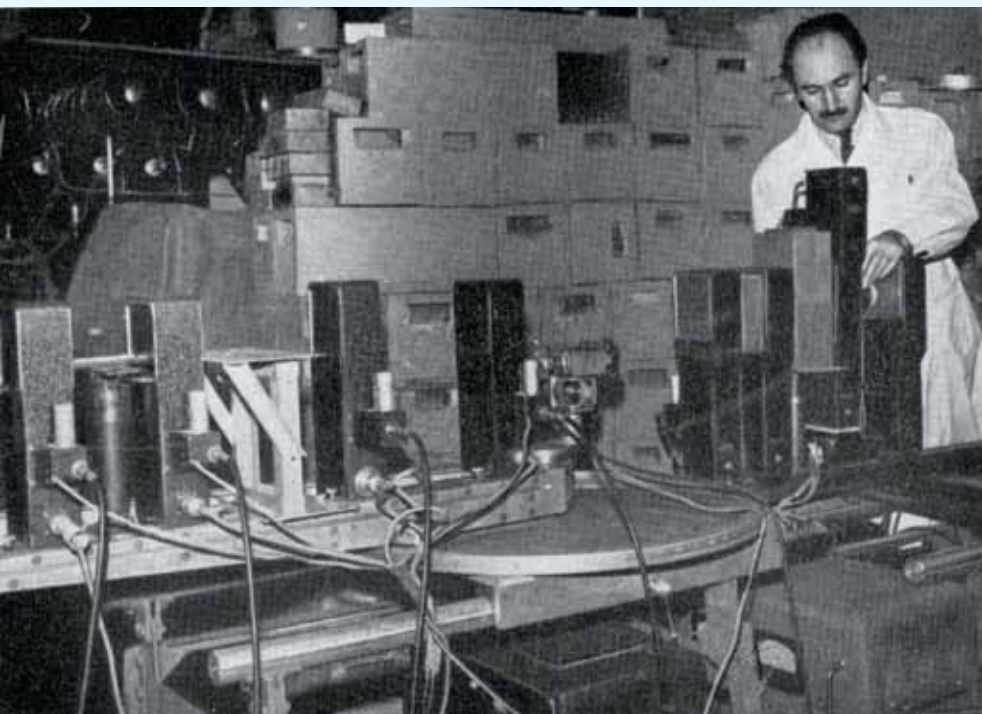
все за 2,5 года М.Мещеряков запустил самый крупный в мире ускоритель протонов.

По рекомендации И.Курчатова директором Института ядерных проблем АН СССР (и членом-корреспондентом АН СССР) Михаил Григорьевич стал в 1953 году (еще до защиты докторской диссертации).

В 1954 году засекреченный поселок Дубна, наконец, нанесли на карту. Мещеряков стал полновластным хозяином научного городка.

В 55 лет (1966 г.) Мещерякову поручили организовать Лабораторию вычислительной техники и автоматизации (ЛВТА), которая на правах института вошла в Международный научный центр – ОИЯИ (известный фильм о физиках – «9 дней одного года» снимали здесь, в г.Дубна).

А в те годы, в далеком Тбилиси, кандидат физико-математических наук Н.С. Амаглобели в НИИ Лаборатории ядерной физики (физфак ТГУ) занимал всего две небольшие полупустые комнаты. В 50-х годах молодой Нодар Сардионович, будучи аспирантом Института физики АН ГССР, работал вместе с Мещеряковым. Талантливый ученый (результаты его кандидатской диссертации вошли в известные таблицы Розенфельда), Амаглобели обладал прекрасными человеческими качествами: он был честным, благородным,

Аспирант Н.Амаглобели в Дубне

Нодар Амаглобели – академик АН ГССР

деликатным и скромным. За эту скромность его называли «совсем непохожим на грузина». Несмотря на большую разницу в возрасте, совместная работа Н.Амаглобели и М.Мещерякова переросла в дружбу.

Из университета в ЛВТА на несколько дней были направлены аспиранты О.Шудра и М.Джгаркава, затем Л.Маркозашвили, З.Модебадзе, М.Хаиндрава и др. Одновременно дирекция ЛВТА направляла в университет специалистов по вычислительной технике – Ю.Каржавина, Р.Позе, З.Иванченко, В.Котова, Н.Никитюка (ныне все доктора наук).

В результате такой творческой дружбы в 1973 году в Тбилиском государственном университете (физфак) вошел в эксплуатацию центр обработки экспериментальной информации – один из первых среди вузов страны, а в 1980 году был создан Институт физики высоких энергий ТГУ, который возглавил Н.С. Амаглобели.

Через несколько лет Нодар Сардионович стал лауреатом премии им. Меликишвили, Госпремии ГССР, ректором Тбилисского госуниверситета, ака-

демиком АН ГССР, депутатом Верховного совета СССР. А в последние годы жизни он был председателем комитета по науке и образованию Парламента Грузии, Полномочным представителем Грузии в ОИЯИ, кавалером орденов Дружбы (РФ) и Чести (Грузия).

В настоящее время физики ИФВЭ ТГУ (с 2004 г. директор – проф. М.Ниорадзе) успешно работают в ведущих научных центрах США, Великобритании, Германии, Швейцарии, Российской Федерации и др.

В эти юбилейные дни хочется вспомнить с благодарностью и большой теплотой М.Г. Мещерякова, ученого-организатора с железной волей, с решительным, «казацким» характером (родом он из Таганрога), который очень любил Грузию, грузин, Нодара Амаглобели. Сделал Михаил Григорьевич очень многое, оснастив в трудные шестидесятые годы примитивный просмотрно-измерительный центр современной аппаратурой, помогая университету воспитывать квалифицированные кадры.

Имея честь работать в 60-ые годы штатным сотрудником у Мещерякова, я был свиде-

Памятник на полигоне в Семипалатинске

телем, как он до конца досматривал в полупустом зале Дома ученых посредственный грузинский фильм, и как (по словам его заместителя) стоял горой, чтобы важнейшая часть аппаратуры измерительного центра – «Просмотровые столы», предназначенная для Монголии, попала в Тбилисский университет.

Михаил Григорьевич Мещеряков – «зубр» атомного проекта, ученик Курчатова, почетный гражданин г.Дубна, искренне любил Грузию.

В Каракилисе. 1915

БЕЛАЯ ГОЛУБКА

■ Марина МАМАЦАШВИЛИ

Белыми голубками называли сестер милосердия в годы Первой мировой войны. Одной из них была наша соотечественница – княжна Нино Джорджадзе. Почти четыре года она, эта милая барышня из аристократического семейства, провела на войне. Стала своеобразным летописцем фронтовых будней, донесла до нас, сегодняшних, свои мысли и переживания в дневниковых записях. И внесла неocenимый вклад в историю: фотокамера Нино Джорджадзе запечатлела дни и лица одной из самых страшных войн.

«Кавказский фронт в фотобъективе Нино Джорджадзе» – выставка под таким названием, посвященная 100-летию Первой мировой войны, нынешним летом была представлена в тбилисской Национальной галерее им. Дмитрия Шеварднадзе. Помимо фотографий, созданных на Кавказском фронте в 1914-1918 годах, в экспозиции

были также письма, документы, грамоты, дневники, личные вещи и фотографии из семейного архива. Эта выставка стала данью памяти не только этой удивительной женщины, но и всех, кто из Грузии отправился на поля сражений, кто воевал, кто сложил головы в беспощадной боине. На всех фронтах Первой мировой только

Нино Джорджадзе

из маленькой Грузии сражались 70 генералов и сотни офицеров.

Организаторы этой замечательной, не только профессионально, но и эмоционально подготовленной выставки заслуживают слова самой искренней благодарности. Генеральный директор Национального музея Грузии Давид Лордкипанидзе, куратор Музея истории Тбилиси Лика Мамацашвили, автор проекта и книги-альбома «Первая мировая война глазами грузинской женщины» Тамар Лордкипанидзе. Альбом был издан при поддержке министерства культуры и охраны памятников Грузии и Швейцарского офиса по сотрудничеству на Южном Кавказе (SCO). Об этой книге-альбоме хотелось бы сказать особо.

Тамар Лордкипанидзе – представитель семьи, которая на протяжении долгих лет бережно хранила, правильнее было бы сказать, лелеяла все, что касалось жизни семьи Джорджадзе и Багратиони-Мухранели. Архив Нино Джорджадзе можно назвать уникальным: фотографии представляют интерес не только для историков, но и этнографов, и географов. Они отражают как значительные события военной действительности, так и бытовые сцены, здесь лица – от высших военных чинов до рядовых солдат, типажи этнографических групп и виды сел и городов, давно исчезнувших или полностью поменявших облик. Альбом, посвященный Нино Джорджадзе, которую можно назвать не просто фотолюбителем, а первой грузинской женщиной – военным фоторепортером, составлен продуманно, с тонким вкусом и, что самое главное, с большой любовью.

О событиях той войны, с начала которой прошло 100 лет, не все знают. За целый век, пожалуй, кроме исследователей, историков, мало кто вспоминал о том, какой страшной была война, которая покончила с миром на огромной территории, унесла сотни и сотни тысяч жертв и какой кровавой жатвой – революцией в России – завершилась.

Именно революция и последовавшие за ней события расставили акценты так, что Первой мировой войне (ее неформально называли Германской, потом Великой) позже присвоили «тителы» Неизвестной и Забытой, в советское время официально и с пренебрежением называли империалистической. Радикальные перемены в общественно-политическом устройстве многих стран, в том числе и Грузии, позволили обратиться в прошлое за правдой, к той реальности, которая была спрятана за пропагандистскими лозунгами и скрыта в умолчаниях. Именно Первая мировая стала трагическим прологом к веку, который

Осип Манделштам прозорливо назвал волкодавом.

А война действительно была одним из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества: 38 государств, по свидетельству историков, с населением колоний свыше 1,5 млрд. человек были в нее вовлечены.

«Не достигнув значительно более высокого уровня доброты и не пользуясь значительно более мудрым руководством, люди впервые получили в руки такие орудия, при помощи которых они без промаха могли уничтожить все человечество», – писал о Первой мировой Уинстон Черчилль.

Как и почему прелестная грузинская барышня, воспитанная в одном из известных в Грузии аристократических семейств, добровольно отправилась в ад, на войну, о которой газеты с самого начала сражений сообщали ужасные подробности? Вглядитесь в ее лицо: благородные строгие черты, чуть заметная нежная улыбка, но вместе с тем твердый взгляд и сколько в нем уверенности, силы, достоинства и, пожалуй, решимости. Корни внутренней духовной свободы и самостоятельности этой девушки были, конечно, в укладе жизни ее семьи. Дочь известного грузинского предпринимателя и общественного деятеля Захария Джорджадзе и Тамар Багратиони-Мухранели именно в семье восприняла идеи просвещенного либерализма.

Захарий Джорджадзе учился в Австрии и Франции, приобщался к секретам европейского виноделия в Монпелье. Он первым в Грузии стал скупать виноград у населения, в своем хозяйстве заложил основы применения технологии европейского виноделия. В 1888 году на международной сельскохозяйственной выставке в Брюсселе грузинское вино, представленное им и его компанией, получило золотую медаль. Семья Захария Джорджадзе и Тамар Багратиони-Мухранели выделялась европеизмом и вместе

с тем бережно хранила грузинские традиции.

Нино окончила Закавказский девичий институт императора Николая I, (общепринятое название – институт благородных девиц). Она продолжила учебу в Швейцарии. Потом была Австрия, занятия в Венской консерватории. Музыкальность была даром всей семьи. И серьезные занятия музыкой были естественны и необходимы душе этой тонкой и глубоко чувствующей девушки.

На фото 1907 года Нино с группой студентов, видимо, на экскурсии: у всех в руках палки, вокруг лежит снег. И снова она обращает на себя внимание тем, что стоит в первом ряду и по лицу видно, что она готова продолжить путь, каким бы трудным он ни был. После Австрии она уехала в Париж, в Сорбоннский университет. Получать знания, совершенствоваться в музыке и увлекаться спортом – так можно определить этот период жизни Нино.

В доме, в котором росла Нино и два ее старших брата, в Сабуе, их родовом поместье (Кварельский район, Кахети, Восточная Грузия), отец устроил теннисные корты. И вся семья, Нино и ее братья с друзьями постоянно проводили турниры и соревнования. А фотографии, которые рассказали нам о том, каким прекрасным был двухэтажный дом в Сабуе, какой великолепный сад окружал его, как играли в теннис на кортах и какой красивой была веранда, где всегда собиралась молодежь, эти светлые и радостные фотографии были сделаны братом Георгием. Он увлекался с юных лет фотографией. И именно он научил сестру снимать и подарил ей фотоаппарат фирмы «Кодак». И с этим «Кодаком» Нино Джорджадзе не расставалась всю войну.

Георгий – блестящий офицер царской армии, участник войны с Японией, всегда находил время для съемок. Во время службы в Маньчжурии, где стоял его полк, он создал интереснейшую

В Хнисе. 1917

фотосерию «1904-1905 годы». Ему не суждено было заниматься любимым делом. После окончания Первой мировой войны он погиб в России от рук большевиков – в 1918 году.

Старший брат Нино Александр – ученый, известный инженер-путеец, строитель тоннелей, профессор университета, автор многих книг и научных трудов. В 1928 году был в научной командировке в США. В 1937 году его арестовали, сослали в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, где он и погиб.

И еще одна горькая страница (в числе многих других) в истории этой замечательной семьи. Брат матери – Александр Ираклиевич Багратион-Мухранский – командир лейб-гвардии Конного полка, генерал-лейтенант, участник войны. После революции возвращался на Кавказ, к своим. В Пятигорске в октябре 1918 года был задержан и в числе других заложников без суда убит (зарублен большевиками на горе Машук).

Три снимка в альбоме-книге, которые также нельзя обойти вниманием – ближайшее родство Нино Джорджадзе. Михаил Александрович Багратион-Мухранский – полковник Гусарского полка в 1927 году был убит в собственном имении в селе Икоти.

Красавица княжна Анастасия Андроникашвили. Ее звали близкие Анета, она одной из первых ушла на фронт сестрой милосердия и погибла в первый же год войны.

В бою под селом Загороды в Галиции в 1915

году погиб штабс-капитан пехоты, князь Константин Александрович Багратион-Мухранский – супруг Татьяны Константиновны Романовой. Ей (правнучке императора Николая I) удалось перевезти прах мужа во Мцхета и захоронить в кафедральном соборе Светицховели. В эмиграции в Женеве Татьяна Константиновна постриглась в монашество с именем Тамара (в память о царице Тамаре, потомком которой был ее муж) и переехала в Иерусалим. Здесь она стала настоятельницей Елеонского монастыря, где и обрела последний покой.

...Летом 1913 года Нино с друзьями отдыхала в Абастумани. Это было последнее спокойное мирное лето. Наверно, можно сказать – счастливое лето. Много друзей вокруг, у всех веселые, радостные лица.

Война началась в июле. Думается, близкое окружение уговаривало Нино остаться дома. Но она (пожалуй, ее биография до этого периода дает основание думать, что она всегда руководствовалась исключительно собственным выбором в жизни) пошла на курсы сестер милосердия. Курсы работали в Михайловской больнице. Сестрам читали лекции и вели практические занятия. Музыкальные руки Нино Джорджадзе быстро и сноровисто справлялись с перевязками и со всеми заданиями, которые сестрам поручали. Можно предположить, что она рассказывала дома о лекциях, о философии сестринского дела, которое основывается на 4 основных понятиях: пациент как личность, сестринский уход как на-

ука и искусство, окружающая среда, здоровье. В ее жизнь тогда впервые вошло имя Флоренс Найтингел – первой исследовательницы и основоположницы понятия «сестра милосердия». А девиз Флоренс Найтингел: «Любовь. Мужество. Честь» Нино Джорджадзе с достоинством пронесла через всю свою жизнь.

5 ноября 1914 года ей предложили вместе с отрядом Международного Красного Креста отправиться в Сарыкамыш. На сборы отвели всего два часа. На фронт отправлялись шестеро врачей и шесть сестер милосердия в сопровождении барона Кнорринга и графа Грохольского.

Именно в ноябре в ее дневнике появляются первые записи. На его обложке твердым почерком выведены слова: «На войне. Что я видела. Слышала. Думала. Сарыкамыш. Бегли-Ахет. Селим». Дневник она вела на французском и русском языках. Так начались военные будни княжны Джорджадзе.

6 ноября они в Сарыкамыше. 5 часов утра. Граф Грохольский сообщает, что привезли раненых. Раненые поступают со всех сторон. На Нино производит впечатление мужество раненых солдат и офицеров. Глухие, еле слышные стоны раздаются только во время перевязок. «Боже, – записывает она ночью, – что я видела сегодня, какие страшные картины войны!».

К декабрю 1914 года Кавказская армия со штаб-квартирой в Тифлисе насчитывала 63 тысячи человек. Ее ряды пополнялись добровольцами, а также людьми, мобилизованными в здешних краях и в губерниях европейской части России. Армия была рассредоточена по фронту от Черного моря до озера Ван, протяженностью около сорока километров по прямой линии. У Сарыкамыша, на северо-востоке Турции, шли ожесточенные бои. Войска то наступали, то отступали. Вот одна из записей в дневнике Нино: «Какой ужас! Сарыкамыш обнесен проволокой, кругом валяются разбитые телеграфные столбы, снуют обезумевшие, голодные собаки. Разграблены лавки, солдаты грабили и вскрывали ящики. Какая радость была встретить Жиг. Гр.! Болен. Я поехала в штаб навестить его. Всю осаду они просидели в Сарыкамыше. Он единственный заслужил наивысшее отличие и похвалу, весь Сарыкамыш отступил, включая начальство, а он в ту ночь приехал оградить имущество Красного Креста. Знала его как усердного труженика, теперь убедилась в его исключительной храбрости. Это наивысшее понимание дела. Меня поразил его взгляд, это взгляд видевшего смерть и страдание. У всех побывавших на войне какие-то особенные глаза. Кажется, что в них навсегда застыл тревожный, недоуменный вопрос, над которым беспомощная мысль будет биться до конца жизни».

Территория Турции, где находится город Сарыкамыш, была постоянной зоной боевых действий между Турцией и Россией в разные годы девятнадцатого века. После русско-турецкой во-

йны 1877-1878 годов Сарыкамыш вошел в состав Российской империи, превратился в небольшой современный город со своей интересной архитектурой. Сарыкамыш и бои вокруг него стали первым и самым тяжелым впечатлением военных лет, на всю жизнь врезавшимся в память Нино. Раненых было так много, что они лежали всюду. Для того, чтобы пройти, надо было искать крохотное место, чтобы поставить ногу. Не было свободных комнат, коек, перевязочных материалов. Но эту нехватку заменяли такие проявления душевности и сострадания, что удивляешься, читая рассказы Нино. Откуда силы брались! Ночью, после труднейшего и изматывающего дня, она пишет:

«Сестра ... Как это красиво звучит! Большинство вполне сознательно относится к тому великому, что им поручено. Я видела самоотверженных тружениц, они скромно работали, не обращая на себя внимания. Удивительно тепло и заботливо относились к раненым и больным. Этот прелестный тип сестры нужен и полезен армии. Сердце нежное, кроткое; и такая сила, такое желание помочь нуждающимся!».

Из нынешнего нашего обихода слова – милосердие и утешение практически исчезли. Стали старомодными понятиями. Современные медицинские сестры в наш прагматичный, далеко не сентиментальный век, безусловно, владеют профессией лучше, чем наскоро подготовленные сестры милосердия. Но ведь не зря называли этих сестер с добрым сердцем, умеющим утешать, лечить словом «белыми голубками». Сколько любви в этом определении! Придет ли сегодняшнему пациенту в голову, страдающему от обрушившихся на него болячек, так обратиться к медсестре. Трудно представить!

Один из авторитетнейших специалистов в сфере гуманитарного права Жан Пикте отмечал: «...в мире, где слишком часто заключаются сделки с совестью и царствует стремление извлечь сиюминутную выгоду, есть такое учреждение, которое не поддается этой логике и в самом сердце противоречий следует своей единственной, ближайшей или конечной цели – помочь человеку выжить». Слова эти можно с уверенностью отнести к деятельности Международного Красного Креста. И добавим от себя: и сестер милосердия.

Среди снимков в архиве Нино Джорджадзе обращает на себя внимание бравый военачальник. Это Василий Михайлович Тамамшев, генерал для поручений при Главнокомандующем Кавказской армией. Этот генерал, по рассказам знавших его, был прекрасно образованным человеком. В 1908 году Тамамшев – «военная косточка» был директором Тифлисского Казенного театра, основанного его родственником. С 1910 года генерал был вице-председателем Кавказского общества поощрения изящных искусств. Свободно владел французским и немецким языками. Можно предположить, что в том военном аду, который тогда

Английский броневой автомобильный отряд. 1916

представляла местность вокруг Сарыкамыша, встретились два человека, у которых было так много общих интересов, оставшихся в мирной жизни.

8 октября 1915 года Нино стала обладателем воинской награды: за проявленное во время боевых действий мужество и спасение раненых сестру милосердия княжну Нино Джорджадзе наградили Георгиевским крестом 4-ой степени.

«Великая вещь бой, – записывает Нино. – Человек предстает во всей своей красоте, в величии своей души! Он отрешается от всего личного во имя чего-то высшего!».

Сарыкамышская победа дала возможность армии продолжить наступление, которое увенчалось Эрзерумской победой под командованием генерала Н.Н. Юденича...

Ловкие пальцы Нино Джорджадзе быстро бинтуют. К середине войны она приобрела огромный опыт работы. Но этот опыт несравним с опытом и осмыслением духовной жизни человека.

«Умирает на моих руках солдат-мингрелец. Много говорит о загробной жизни, о Боге. На краю гибели видит спасение! Человек смог победить ужас смерти! Мне кажется, он подошел к невидимому. Он мне дал почувствовать величайшее единство всего мира. Не быть злым, душа наша должна согреть каждого, кто к ней приближается. Страдание одухотворяет, уносит нас от земли». И

еще одна мысль, записанная ею в январе 1916 года: «Для создания возможно более счастливой жизни каждый должен производить что-либо полезное...».

Она видела много страшного и тяжелого: караваны несчастных, оборванных и голодных беженцев, десятки погибших, которых некому было хоронить, молодых солдат и офицеров, истекающих кровью, с глазами, молящими о спасении, страшную эпидемию сыпного тифа. Ей самой не удалось уберечься от болезни. Но она выжила и снова вошла в строй.

Каждый шаг на территории войны всегда отмечен смертью. Но дневники ее не оставляют впечатления безысходности. Так же и фотографии. Даже среди измученных беженцев она находила улыбающиеся лица. До самого конца своих военных дорог она не выпускала из рук фотоаппарата. Во-первых, потому, что понимала ответственность того, что она делала. Во-вторых, этот фотоаппарат приближал ее к родному дому, к ее любимому брату.

Она вернулась домой на четвертом году войны. Вернулась в свой семейный дом. Дом, который всегда был для нее гаванью, убежищем и отдохновением, но теперь известия о гибели любимых людей, родственников, друзей отягощали радость возвращения. Ее личная жизнь не сложилась. А советизация Грузии полностью разрушила тот мир, в котором она привыкла и любила жить. Ей пришлось

сражаться за свой дом в Сабуге, в котором ей выделили всего две маленькие комнаты. Сад и корты были разрушены. В дом вселились какие-то конторы, организации, чужие люди. Теперь ей пришлось пережить еще и бедность. Удавалось давать уроки французского и музыки.

Однако приют и любовь она получила от родственников. Нино Джорджадзе приходилось тетье матери Александра Багратиони. Этой семье, о которой я упоминала выше, она и оставила свой уникальный архив. С любезного предоставления семьи в этой публикации приведены отрывки из дневниковых записей Нино Джорджадзе.

Размышляю над документами, с которыми довелось мне познакомиться как автору статьи, и убеждаюсь, что история движется по спирали. Раскручивается тяжело, но так похоже. И все возвращается на круги своя... Первая мировая действительно стала прологом перевернувшей мир Второй мировой войны, в которую поверг человечество Адольф Гитлер.

И когда мне в одном из документов встретилась цитата выдающегося русского искусствоведа, погибшего в 1915 году, Николая Николаевича Врангеля, я подумала о том, что его мысли о Первой мировой войне и сегодня актуальны... Пророчески актуальны. Думаю, что Нино Джорджадзе, которая была его ровесницей, но видела, прожила и пережила больше, чем он, тоже была бы полностью с ним согласна.

«...Мне думается, что это только преддверие того ада, в который скоро превратится весь мир. Ужасы бесчисленных убийств во всей Европе, страшное неминуемое разорение ея, должны перевернуть и преобразить жизненный и социальный строй всего земного шара. Затаяв дыхание, глядишь на это Великое и чудовищное событие и не можешь объять его непомерного значения и высокой тайны. Господи, воля Твоя!»

ОБРЕЧЕННАЯ БЫТЬ АКТРИСОЙ

Мариам Кития

Зрители называют Мариам Кития одной из самых своих любимых актрис. Коллеги считают идеальной партнершей. Режиссеры предлагают разноплановые роли в театре и кино. Профессионалы присуждают высокие награды.

К своему юбилею она получила очередную награду – жюри Международного Румынского кинофестиваля присудило актрисе приз «За лучшую женскую роль» в фильме «Невесты», и это, кстати, уже третий такой приз за роль в картине Т.Каджришвили.

Мариам была обречена посвятить себя искусству. Ее отец Гия Кития – режиссер, педагог Грузинского университета театра и кино им. Ш.Руставели, мама Любовь Шкунова – балетмейстер, театральный хореограф, преподает классический танец в Тбилисском хореографическом училище им. В.Чабукиани. Старшая сестра Нино – театральный художник. Стоит ли удивляться, что уже в возрасте пяти лет Мариша Кития вышла на сцену русского ТЮЗа.

Она с одинаковой легкостью успешно играет и в русских, и в грузинских театрах – Грибоедовском, Свободном, Театре киноактера им. Михаила Туманишвили, театре музкомедии им. Васо Абашидзе.

«Я стараюсь развивать свои способности во всех возможных артистических воплощениях, – рассказывает Мариам. – В каждой из моих героинь есть частичка меня, пусть даже это будет один процент, но что-то из пережитого мной я обязательно вкладываю в театральные образы. Пожалуй, у меня есть собственная фишка – я с максимальной ответственностью и серьезностью подхожу к работе над ролью. Другой вопрос, что из этого получается. Тут судить зрителям».

А зритель уже не судит – он давно сказал свое слово и просто искренне любит прекрасную актрису Мариам Кития.

Поздравляем Мариам с круглой датой, желаем здоровья, благополучия и огромной творческой востребованности!

К 170-ЛЕТИЮ РУССКОГО ТЕАТРА В ГРУЗИИ

КОНГРЕСС РУССКИХ ТЕАТРОВ ЗАРУБЕЖЬЯ

26 ОКТЯБРЯ

13.00 Дом писателей Грузии (ул. Мачабели, 13).

Встреча с поэтом, фотохудожником Лидией ГРИГОРЬЕВОЙ (Великобритания).

Премьера авторского видеопроекта «Иерусалим сада моего».

16.30 Тбилисское информационное агентство РИА НОВОСТИ (пр. Руставели, 2).

Пресс-конференция участников Конгресса

19.00 Малый зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

«В карете прошлого. Монолог актера». К 85-летию со дня рождения Народного артиста Грузии Бориса КАЗИНЦА (США).

Презентация книги «Закон вечности Бориса Казинца» из серии «Русские в Грузии».

27 ОКТЯБРЯ

11.00 – 15.00 Малый зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Конференция «РУССКИЙ ТЕАТР ЗА РУБЕЖОМ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ».

13.00-14.00 Круглый стол «Георгий Товстоногов – воспоминания о Мастере».

Презентация книг «Тбилиси – Санкт-Петербург и обратно. Георгий Товстоногов», «Свой среди своих. Александр Товстоногов», «Ваше благородие, господин артист. Павел Луспекаев» из серии «Русские в Грузии».

Возложение цветов к дому и мемориальной доске Г.А. Товстоногова (ул. Товстоногова, 9).

18.30 Большое фойе театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Торжественное открытие юбилейной выставки «Русский театр в Грузии – 170».

19.00 Большой зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Спектакль «Холстомер. История лошади» по мотивам повести Л.Н. Толстого

Режиссер-постановщик - Автандил Варсимашвили.

28 ОКТЯБРЯ

11.00 – 15.00 Малый зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Конференция «РУССКИЙ ТЕАТР ЗА РУБЕЖОМ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ».

18.30 Большое фойе театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Открытие мемориальных досок Народного артиста СССР Г.Д. Лордкипанидзе и Народного артиста России, заслуженного деятеля искусств Грузии Л.В. Варпаховского.

Презентация книги «Партитура судьбы. Леонид Варпаховский» из серии «Русские в Грузии».

19.00 Большой зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Торжественный вечер, посвященный 170-летию Русского театра в Грузии.

29 ОКТЯБРЯ

11.00 Открытие мемориальной доски Народной артистки СССР Натальи Бурмистровой.

Экскурсия по Тбилиси и поездка в древнюю столицу Грузии г. Мцхета.

16.00 Товстоноговское фойе и Малый зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Открытие Книжной выставки Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.

18.00 Большой зал театра им. А.С. Грибоедова (пр. Руставели, 2).

Премьера спектакля «Ревизор» Н.В. Гоголя.

Режиссер-постановщик - Автандил Варсимашвили.

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ი შ ვ ი ლ ი

ГОРОДА РОССИИ

ГОРОД КАЛУГА
ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

